Пуб... ная

ПРИЛОЖЕНІЕ къ БУРЕВѢСТНИКУ

Пусть сильнѣе грянетъ буря!

Сент. Окт. 1907 г. Органъ Русскихъ Анархистовъ-Коммунистовъ. №№ 6-7.

Некрологъ

Андрей Даниловъ.

27 іюня 1907 г. на улицѣ Бѣжицы, Брянскаго уѣзда, кончилъ свою славную жизнь нашъ товарищъ, Андрей Даниловъ 23-хъ лѣтъ, оказавъ вооруженное сопротивленіе полиціи.

Андрею надо было въ 5 часовъ вечера уѣхать поѣздомъ, онъ зашелъ въ рощу поговорить съ товарищами и передать имъ кое-что.

Полиція все время слѣдила за нимъ и рѣшила немедленно его задержать.

Видя приближающуюся полицію, онъ выстрѣлилъ и бѣгомъ пустился на улицу. Тутъ завязалась перестрѣлка.

Полиція и солдаты безпрерывно палили изъ винтовокъ и револьверовъ Нагана Андрей бѣжалъ, стрѣляя изъ браунинга. Но полиція оцѣпила всю улицу.

Замѣтивъ это, Андрей остановился, продолжая стрѣлять. Со стороны полиціи слышенъ крикъ:

„Сдавайся!“

Андрей отвѣчаетъ: „Подходите ближе, а то пули мои до васъ не долетаютъ!“ Все время солдатскія пули его не задѣвали, а его пули не долетали до нихъ: солдаты боялись подходить къ нему близко.

Андрей понялъ, что пули его истощаются — послѣднія были уже въ револьверѣ. Онъ быстро вынулъ обойму изъ револьвера и увидалъ, что осталось только три пули. Онъ сбросилъ шапку, вытеръ потъ, взъерошилъ волосы, приставилъ револьверъ къ виску и остановился въ такой позѣ... Полиція приближается... Все ближе крики: „Сдавайся!“ Андрей стоитъ съ револьверомъ у виска и смотритъ въ упоръ на преслѣдующихъ его.

— „Сдавайся! — Сдавайся!“ кричатъ полицейскіе.

— „Врете! Анархисты живыми не сдаются!“ — Когда полиція была уже въ нѣсколькихъ отъ него шагахъ, онъ крикнулъ:

— „Ну, святая пуля, лети!“ — Браунингъ щелкнулъ два раза, и Андрея не стало... Такъ кончилась жизнь Андрея, полная величайшей любви къ трудящимся и угнетеннымъ, полная ненависти къ угнетателямъ...

Немедленно извѣстіе о смерти Андрея, словно гроза, прокатилось по всему району. Полиція забрала трупъ Андрея въ часовню, а когда родители Андрея стали просить выдать имъ его, полиція ставитъ условіемъ, чтобы во время похоронъ не было никого изъ „постороннихъ“ во избѣжаніе „безпорядковъ.“ Родители ручаются. Домой все же трупа не даютъ, и хоронить приходится изъ больницы.

На третій день заводъ сталъ, и тысячныя толпы рабочихъ всѣхъ партій явились на похороны, не смотря на то, что больница была окружена полиціей. Тутъ были старики, молодые, женщины и дѣти. На лицахъ всѣхъ были грусть и озлобленіе. Кое-гдѣ слышались тихіе стоны, временами изъ наболѣвшихъ грудей вырывались крики: „убійцы! палачи!“

Всю толпу тѣснымъ кольцомъ окружали казаки и спеціально пріѣхавшіе шпіоны. Когда трупъ подвезли къ церкви, и попъ сталъ служить молебенъ, вся толпа закричала: „Довольно! Не надо! Безъ тебя похоронимъ нашего товарища!“ Тутъ же возложили вѣнокъ отъ Федеративныхъ Группъ Анархистовъ-Коммунистовъ и хотѣли затянуть: „Вы жертвою пали.“ — Полиція немедленно ворвалась въ толпу, сорвала вѣнокъ и стала разгонять. Толпа упорствовала... Было арестовано 64 человѣка, которые впослѣдствіи были удалены съ завода и отсиживались въ тюрьмѣ по два и по три мѣсяца. Нѣкоторые, арестованные по этому дѣлу, сидятъ еще и теперь. Такъ хоронили нашего товарища Андрея.

Андрей типичный сынъ рабочаго класса. Онъ родился въ рабочемъ поселкѣ при заводѣ Брянскаго уѣзда. Отецъ его, старшіе братья, да и всѣ родственники и знакомые — рабочіе. Издѣтства онъ и не представлялъ себѣ въ мірѣ семъ такихъ людей, которые имѣютъ возможность жить, не работая; исключеніе составляли — приставъ и директоръ завода. Для него было ясно, что неработающіе умираютъ съ голоду, это онъ видѣлъ въ своей рабочей средѣ. Не менѣе ясно было и то, что онъ, когда подростетъ, пойдетъ на заводъ, и это обезпечитъ ему жизнь и дастъ, куда излиться его силамъ и способностямъ. Но какъ съ такимъ громаднымъ множествомъ трудящихся уживаются эти бездѣльники — приставъ и директоръ завода — для него оставалось непонятнымъ. Школа дала грамотность, а рабочая среда, вѣчно бурлившая, вѣчно искавшая выхода изъ рабскаго положенія, дала подходящія нелегальныя книжки, а что еще вѣрнѣе, — учила ихъ понимать. Уже въ раннемъ дѣтствѣ Андрей видѣлъ, что рабочіе читаютъ книжки, а потомъ прячутъ ихъ подъ застрѣхой. Когда Андрей научился грамотѣ, онъ сталъ находить книжки въ укромныхъ мѣстахъ и читать запоемъ. Позже рабочіе замѣтили это и, видя его интересъ, стали систематически давать ему литературу. Такъ рабочіе сами готовили себѣ хорошаго агитатора. Поступая на заводъ, Андрей былъ весь переполненъ мыслью послужить рабочему дѣлу „постараться для рабочихъ“ Ему всего 17 лѣтъ, а онъ пользуется уже уваженіемъ стариковъ — рабочихъ, видящихъ въ немъ серьезнаго человѣка, на котораго можно во всемъ положиться, если дѣло коснется интересовъ рабочихъ. Выросшій среди рабочихъ и воспитанный ими, онъ всегда оставался вѣренъ ихъ интересамъ, всегда былъ среди нихъ изъ первыхъ и претворялъ ихъ думы и чувства въ дѣло. Долгое время въ районѣ его пребыванія дѣйствовали с-р. и с-д. Въ партію с-р., какъ самую крайнюю тогда, и вступилъ Андрей. Его оцѣнили и впослѣдствіи дали „Генеральскій чинъ“, но онъ не измѣнился. Вступивъ въ рабочій союзъ, онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы комитетъ сталъ только исполнительнымъ органомъ, власть же рѣшающая осталась въ рукахъ рабочихъ, въ ихъ рабочемъ союзѣ. Въ концѣ 1904 г. сильное броженіе рабочихъ брянскаго завода („Бѣжицкая забастовка“) вылилось въ стачку, продолжавшуюся 32 дня. Андрей былъ однимъ изъ

видныхъ участниковъ ея. Участіе въ бѣжицкой стачкѣ не могло пройти незамѣченнымъ для администраціи. Его арестовали, и освободился онъ только по амнистіи (17 окт. 1905г.) На заводъ его не приняли, полиція его преслѣдовала, и съ этого времени онъ принужденъ былъ жить на положеніи нелегальнаго. На свободѣ онъ пробылъ недолго. Вскорѣ, подъѣзжая къ Двинску въ поѣздѣ жел. дороги съ транспортомъ оружія, онъ замѣчаетъ за собой усиленное ухаживаніе шпіоновъ. Привыкшій узнавать ихъ нюхомъ, — онъ тѣмъ же непосредственнымъ чутьемъ отыскиваетъ среди пассажировъ студента, которому довѣряется, передаетъ корзину съ оружіемъ и адресъ въ Бѣжицу. Студентъ съ корзиной Андрея въ рукахъ, вышелъ изъ вагона, и былъ таковъ. Андрея на станціи арестовываютъ, и онъ отсиживается 7 мѣс. Оружіе въ цѣлости было немедленно доставлено студентомъ по указанному адресу. Андрей попадаетъ уже въ комитетъ с. рев. Среди рабочихъ броженіе противъ слишкомъ умѣренной тактики с. р.: откалывается група максималистовъ, но Андрей остается у старыхъ с. р., онъ не видитъ въ новыхъ групахъ той силы, которая могла бы двигать дѣло рабочихъ, мѣнять же шило на шпайку не хочетъ. Въ головѣ же и въ душѣ Андрея происходитъ серьезная ломка, и только, когда появляется первая Бѣжицкая група Анар. Ком., онъ, послѣ долгаго раздумья и борьбы, переходитъ къ анархизму. Пока не было анархистовъ, онъ думалъ, заставлялъ себя думать, что партія с. р. хочетъ того же, чего и онъ, Андрей, хочетъ. Онъ, вѣчный бунтарь, во всякое время готовый отдать свою жизнь за дѣло рабочихъ, задавалъ себѣ вопросъ и не могъ никакъ понять, какъ это рабочіе, борясь за свое дѣло уничтоженія всякаго гнета, политическаго и экономическаго, могутъ объединяться со своими эксплуататорами, и главное, бороться не за соціализмъ, а за торжество и благоденствіе буржуазіи. Не могъ онъ понять и того, какъ это комитеты, никогда не хотящіе и не могущіе признать массу взрослой, вѣчно старающіе и массу съ ея революціонностью, и личность съ ея творческимъ почином, — какъ это комитеты, эти организаціи способныя только и кричать, „осади назадъ", какъ они способны дѣйствительно двигать впередъ такое дѣло, какъ живое дѣло революціи. Но мысль сама не находила отвѣта, книгъ подходящихъ не было, людей тоже, дѣла же по организаціи было по горло... и Андрей продолжаетъ работать, какъ соц. рев. Лишь теперь, послѣ того, какъ Анархисты неоднократно указывали, къ чему они стремятся, онъ понялъ, что по душѣ никогда не былъ с. р. Онъ теперь понялъ, что по своимъ чувствамъ еще издѣтства былъ анархистомъ. Андрей былъ слишкомъ виднымъ человѣкомъ среди рабочихъ, слишкомъ долго и часто выступалъ въ отвѣтственныхъ роляхъ предъ громадными массами, а, что самое главное, слишкомъ дорожилъ дѣломъ рабочихъ, чтобъ указать ясно, открыто, во всеуслышаніе тѣ причины, по которымъ онъ сталъ анархистомъ. Онъ выходитъ изъ партіи и раньше всего объясняетъ свой выходъ въ письмѣ комитету и рабочему союзу п. соц. рев.

Въ письмѣ изложеніе анархизма и его тактики. Вотъ приблизительно его содержаніе:

Частная собственность, государство, власть, законъ, судъ, тюрьма — должны и могутъ быть уничтожены только силой. Всякія думы о парламентѣ и демократическомъ строѣ, какъ предшественникахъ соціализма — ложныя думы, противъ которыхъ надо бороться. Сотрудничество съ буржуазіей, затемняя сознаніе рабочихъ, губитъ рабочее дѣло.

Рабочіе только тогда понимаютъ свои интересы, когда въ прямой борьбѣ, безъ посредниковъ, безъ парламента, могутъ защищать и защищаютъ свои рабочіе интересы.

Комитеты всегда губятъ въ рабочей массѣ личную волю и починъ, мѣшаютъ проявить ея революціонность. Всякая централизація всегда мѣшала и мѣшаетъ революціи.

Соціальная революція можетъ быть только слѣдствіемъ проявленія революціонности отдѣльныхъ лицъ, групъ, свободныхъ федерацій массъ. Соціальная революція не должна выразиться въ захватѣ власти какой либо партіей, иначе останется рабство — Коллективизмъ, новый видъ господства надъ рабочимъ. Только Анархическая Коммуна дастъ полную свободу каждому и обезпечитъ ему удовлетвореніе всѣхъ потребностей.

Письмо заканчивается призывомъ присоединиться къ групѣ Анар. — Ком. — овъ. Это письмо имѣло большое вліяніе на рабочихъ обширнаго района. Рабочіе массами стекались на собранія Анархистовъ. Мѣстность благопріятствовала широкому массовому движенію. Брянскій лѣсъ, раскинувшійся на громадное пространство, принималъ въ свои дебри искателей истины и скрывалъ движеніе отъ полиціи. Фактическая свобода отъ шпіонскихъ глазъ, при непрекращающейся нелегальности этихъ собраній, способствовала работѣ мысли о необходимости широчайшей свободы человѣку, его духу и дѣйствіямъ: возвращеніе съ собранія, полныхъ огня: страсти и благородныхъ мыслей объ освобожденномъ человѣкѣ, возвращеніе туда, въ городъ, гдѣ царили капиталъ и нагайка, — еще рѣзче отдѣляло дѣйствительность, — отъ желаннаго, рабство — отъ жизни, полной красоты и гармоніи: возможность же быть арестованнымъ при возвращеніи домой — говорила о необходимости немедленной, самой рѣшительной борьбы... Душою собраній былъ Андрей. И какое сильное вліяніе имѣлъ этотъ человѣкъ, какъ на отдѣльныхъ людей, такъ и на массу! Стоило ему появиться среди рабочихъ, — и атмосфера сразу измѣнялась. Суровыя лица озарялись улыбкой, неуступчивые смягчались, мелкая злоба, интрижка „чиновниковъ" изъ партіи, отступали на задній планъ.

Люди при немъ становились дѣльными, разумными, толковыми; до него опустившіе головы, они наэлектризовывались, воодушевлялись и готовы были на всякія жертвы и подвиги.

Въ этомъ небольшомъ тѣлѣ была сильная здоровая, красивая душа, и эту душу не могли не чувствовать тѣ, которымъ эта душа отдавалась беззавѣтно; былъ огонь, который зажигалъ и двигалъ впередъ.

„Эхъ, братъ, брось, не намъ заниматься такимъ дѣломъ", скажетъ онъ бывало кому нибудь изъ слабыхъ на собраніи, — и мелкихъ дѣлишекъ словно и не бывало. А тутъ начинается живая рѣчь о живомъ дѣлѣ, о кровныхъ рабочихъ интересахъ; объ анархизмѣ, объ успѣхахъ по организаціи, о ея нуждахъ, о прямой, неустанной, непрерывной борьбѣ съ буржуазнымъ міромъ...

Чувствовалось, что вся эта большая масса людей живыми спаями спаяна межъ собой, нѣчто близкое, родное прошло по всѣмъ этимъ сердцамъ, соединило ихъ во имя одного большого дѣла...

Вскорѣ, при ближайшемъ участіи Андрея, работа анархистовъ раскинулась широко, объединила громадный районъ заводовъ и окружныхъ деревень.

Бѣжицкая група Анархистовъ-Коммунистовъ „Братство" была организована въ октябрѣ 1906 года;

въ нее то и вступилъ Андрей; при его громадныхъ связяхъ въ рабочей средѣ, неотразимомъ вліяніи на окружающихъ, умѣніи агитировать, убѣждать и организовывать; Бѣжицкая група скоро стала бѣльмомъ на глазу, какъ у враговъ — полиціи, такъ и у друзей — соціалистовъ, еще раньше организовалась Рославльская група А. К., теперь рядомъ съ Бѣжицкой и Рославльской групами стали Радицкая група А. К и затѣмъ Смоленская група. Вліяніе анархизма стало велико, и партіямъ соціалистовъ приходилось не только временно присылать интеллигенцію убѣждать уходящихъ въ анархизмъ рабочихъ, но пришлось, наконецъ, „водворить интеллигентовъ на постоянное жительство"... Друзья — враги соціалисты выпускали листки, гдѣ анархисты отождествлялись съ ворами и хулиганами, а ученіе анархизма съ буржуазнымъ ученіемъ. На собраніяхъ рабочихъ

они выставляли своихъ ораторовъ интеллигентовъ. Но и въ литературѣ и на собраніяхъ соціалисты встрѣчали достойный отпоръ, хотя что очень важно, ораторами на собраніяхъ со стороны анархистовъ выступали рабочіе. При помощи Андрея была устроена своя хорошая типографія, самъ же онъ и былъ ея наборщикомъ, и группы анархистовъ при каждомъ удобномъ случаѣ выпускали листки цѣлыми тысячами. Появились свои писатели рабочіе, которые общими силами писали листки, поправляли ихъ и выпускали въ свѣтъ. Не послѣднимъ писателемъ былъ и Андрей. Въ каждой прокламаціи былъ его духъ, ни одна не писалась безъ его участія и помощи. Многому могла бы поучить эта самодѣятельность группъ Бѣжицы, Рославля, Радицы... Надо всей работой этихъ группъ виталъ духъ Андрея...

Но, помимо сомнительныхъ друзей, приходилось считаться и съ явными врагами. Съ ними счеты были попроще, но часто труднѣе. Уже и раньше были задуманы акты противъ самыхъ свирѣпыхъ представителей мѣстной власти, но только 20 октября былъ совершенъ первый террористическій актъ анархистовъ.

Рабочіе Рославля достаточно натерпѣлись отъ пристава Климова, и Андрей съ товарищами порѣшили убрать этого сыщика—наглеца. Приставъ былъ застрѣленъ въ центрѣ города. Немедленно Андрей съ товарищами усѣлись за прокламацію; вскорѣ она была отпечатана, и рабочіе узнали о первомъ мѣстномъ актѣ анархистовъ.

Второй его актъ былъ попозже, въ Бѣжицѣ. Старшій городовой, Халютинъ, старый служака, весь въ орденахъ, вѣчно ѣздилъ по городу во главѣ патруля и не давалъ никому проходу; отхлестать рабочаго нагайкой было его любимымъ дѣломъ, его священнодѣйствіемъ. Не довольствуясь избіеніемъ на улицахъ, онъ врывался въ дома рабочихъ, не было житья отъ него... Андрей съ тов. прекратили не только его безобразія, но и его гадкую жизнь держиморды. Велика была радость рабочихъ, когда они узнали объ этомъ актѣ.

Но не въ единичныхъ актахъ террора выражался живой Андрей. Что значило для Андрея убійство пристава, стражника „шпика“, какъ онъ самъ презрительно называлъ ихъ?! Андрей былъ способенъ и не на такіе акты!.. но обстановка, въ которой приходится работать каждому анархисту, слишкомъ еще не подходящая, чтобъ анархистъ въ работѣ, въ особенности же въ актахъ могъ выразиться весь. Боевая обстановка анархиста и вовсе небогата, проще слишкомъ бѣдна, чтобы анархистъ въ актахъ выразился во весь свой ростъ. Да, не въ актахъ террора нужно искать живого Андрея. Его энергія, его мощь, въ силу необходимости, направилась въ другую сторону. Здѣсь, въ этой области онъ чудно хорошъ, неподражаемъ. Его стихія —созданіе людей дѣла, пламенныхъ, рѣшительныхъ, непоколебимыхъ, поразительное умѣнье дать имъ убѣжденія, вѣру; его стихія—строгая оцѣнка личностей и умѣнье объединять - во имя общихъ идеаловъ и практическихъ плановъ, умѣніе „брать массу„ силой вдохновлявшаго его огня, страсти и здоровой логики.

Умеръ товарищъ Андрей! Онъ былъ переполненъ страданіями обездоленнаго труженика, вспоенъ его думами, здоровъ свѣжъ, энергиченъ, предпріимчивъ и смѣлъ. У него былъ одинъ только выходъ—борьба, и въ нее онъ вложилъ всѣ свои способности, всю энергію, весь пылъ своей прекрасной молодой души.

Гавріилъ Довгій.

(Некрологъ)

Товарищъ Гавріилъ Довгій, молодой крестьянинъ, погибъ на „эксѣ“ въ концѣ іюня 1907 года.

Онъ родился въ сѣрой невѣжественной деревнѣ Каменкѣ, Екатеринославской губ., рано осиротѣлъ и жилъ очень бѣдно со своимъ старшимъ братомъ.

Когда мы познакомились, въ 1904 году, оба мы еще были несознательные, но ужъ тогда онъ сильно отличался отъ своихъ сверстниковъ односельчанъ, обращалъ на себя общее вниманіе и пользовался общей любовью. Онъ нагружалъ на пристани лѣсъ въ вагоны или выгружалъ его изъ барокъ. Все свободное отъ работы время онъ проводилъ за чтеніемъ книгъ и газетъ. Я работалъ въ это время на заводѣ. У насъ сильно стала распространяться литература соціалистовъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ, я жадно читалъ ту и другую. Ученіе соціалистовъ-революціонеровъ пришлось мнѣ больше по душѣ, и я вступилъ въ ихъ ряды. Зная склонность Гаврюши къ чтенію, я рѣшилъ сагитировать его и для начала вручилъ ему прокламацію. Прочитавъ ее, онъ сказалъ, „це добрэ написано, всэ правда, алэ навищо воны хочуть царя скынуть“? Черезъ нѣкоторое время онъ самъ попросилъ у меня еще „тыхъ лыстковъ, що роскидають студэнты“, я далъ ему нѣсколько прокламацій и „хитрую механику“. Недѣли черезъ двѣ я пошелъ къ нему узнать, какъ подѣйствовала на него „хитрая механика.“ Поздоровавшись со мной, онъ поблагодарилъ за книжку и попросилъ еще книгъ, говоря: „я тыперъ знаю, за що царя лають.“ Съ тѣхъ поръ я постоянно снабжалъ его литературой и, наконецъ, пригласилъ на собраніе, гдѣ говорилось о землѣ и бѣдственномъ положеніи рабочаго класса.

Рѣчь оратора-пропагандиста произвела на него сильное впечатлѣніе, онъ пришелъ отъ нея въ восторгъ и, идя съ собранія домой, говорилъ: „тыпэръ я другимы очима дывлюсь на свитъ“- Въ скорости онъ окончательно вступилъ въ ряды соціалистовъ. революціонеровъ.

Въ 1906 году работа наша шла очень успѣшно, число товарищей возростало. Однажды лѣтомъ наша интеллигентка пропагандистка предложила намъ пойти на рефератъ анархистовъ. Туда отправились самые передовые рабочіе амурскаго раіона и въ ихъ числѣ и Гаврюша. Референтъ читалъ очень увлекательно объ анархизмѣ; въ теченіе 4-хъ часовъ въ своей рѣчи онъ рѣзко критиковалъ соціалъ-демократовъ и сильно задѣлъ за живое и насъ, непогрѣшимыхъ соціалистовъ-революціонеровъ. Подъ конецъ собраніе было сорвано, и мы въ суматохѣ утащили референта на Амуръ, гдѣ и организовали съ нимъ занятія по анархизму (конечно безъ разрѣшенія на то нашего комитета). Слѣдствіемъ этихъ занятій было то, что Гаврюша и другіе товарищи окончательно порвали съ комитетомъ с.-р.-овъ и объявили себя анархистами-коммунистами.

Такъ зародилась первая группа рабочихъ анархистовъ-коммунистовъ въ Екатеринославѣ.

Гаврюша съ жадностью набросился на анархическую литературу и аккуратно посѣщалъ кружковыя собранія и массовки, приводя съ собой новыхъ, имъ же сагитированныхъ товарищей. Въ свободное отъ работы время онъ много занимался, а по праздничнымъ днямъ собиралъ вокругъ себя крестьянъ и читалъ имъ вслухъ газету или какую нибудь популярную брошюру, освѣщая прочитанное съ точки зрѣнія анархизма. Такъ провелъ онъ 1905-ый годъ, перенося всѣ трудности группового работника.

Въ слѣдующемъ году я съ нимъ разстался...

Пріѣхалъ я въ Екатеринославъ въ концѣ іюля 1907 г. Гавріилъ умеръ наканунѣ. Извѣстіе о его смерти какъ громомъ поразило всѣхъ знавшихъ его и еще долго не вѣрили этому слуху. Вотъ исторія его смерти: въ концѣ іюня 1907 г. Гавріилъ Довгій съ другими товарищами узнаютъ о побѣгѣ товарищей изъ Севастопольской тюрьмы. Всѣ бѣжавшіе рисковали жизнью, необходимо было снабдить ихъ деньгами и отправить въ безопасное мѣсто... Но что дѣлать? Денегъ нѣтъ... Исходъ одинъ—экспропріація. Ждать некогда...

Они разыскиваютъ мѣсто, берутъ связи и утромъ отправляются въ экономію (вблизи Екатеринослава), гдѣ должны

чить крупную сумму денегъ. Зайти въ экономiю и арестовать всѣхъ удалось, но крупныхъ денегъ тамъ не оказалось, и пришлось поѣхать оттуда въ другую, затѣмъ въ третью экономiю. Здѣсь начали ихъ преслѣдовать уже узнавшiе о нападенiи стражники и урядникъ. Денегъ было взято около 2000 рублей, кромѣ того захватили оружiе: „берданки" и патроны. Увидавъ стражниковъ, они рѣшаютъ отступать, берутъ экипажъ, запрягаютъ лучшихъ лошадей и ѣдутъ. Стражники такимъ же образомъ устраиваютъ за ними погоню. Все время происходитъ перестрѣлка.

Гаврюша и товарищи его стрѣляютъ изъ „берданокъ", осыпая стражниковъ картечью и бросаютъ на дорогу зажженныя пироксилиновыя шашки, которыя, взрываясь, разстраиваютъ ряды стражниковъ. Но ѣхать, сидя кучей въ экипажѣ подъ градомъ выстрѣловъ, невозможно. Товарищи ежеминутно соскакиваютъ съ экипажей и врассыпную со всѣхъ сторонъ нападаютъ на стражниковъ, ѣдущихъ въ телѣгахъ; въ концѣ концовъ совершенно бросаютъ экипажи и отступаютъ пѣшкомъ, мѣткими выстрѣлами, задерживая погоню. Урядникъ убитъ, нѣсколько стражниковъ ранено.

Стражники посылаютъ за верховыми лошадьми... Наши товарищи нападаютъ, отбиваютъ нѣсколькихъ лошадей, и двое благополучно ускакиваютъ съ деньгами. Стражники верхомъ преслѣдуютъ остальныхъ. Тѣ встрѣчаютъ крестьянина въ телѣгѣ, берутъ ее и ѣдутъ къ станцiи Сухачевкѣ Ек. Ж. Д., все время отстрѣливаясь. Но станцiя уже занята стражниками и жандармами...

Секунда размышленiя... и наши товарищи нападаютъ на станцiю... завязывается ожесточенная перестрѣлка... убиваютъ и ранятъ жандармовъ и стражниковъ и завладѣваютъ станцiей.

Въ этой схваткѣ Гаврюша раненъ въ грудь, другой раненный убиваетъ себя выстрѣломъ. Товарищи берутъ паровозъ, кладутъ раненнаго Гаврюшу и ѣдутъ по направленiю къ Екатерин. Но спасенья нѣтъ, вслѣдъ за ними пущенъ паровозъ со стражниками, часть товарищей бросаетъ паровозъ и благополучно уходитъ пѣшкомъ. Раненный Гаврюша и Өедосѣй Зубарь, не хотѣвшiй покинуть его, продолжаютъ ѣхать на паровозѣ. Между тѣмъ администрацiя, узнавшая о нападенiи, высылаетъ изъ Екатеринослава роту солдатъ и цѣлую свору полицейскихъ и жандармовъ. Пустить паровозъ и сдѣлать крушенiе было легко, но въ поѣздѣ было слишкомъ много рабочихъ, могло быть много жертвъ... Сзади по пятамъ слѣдовалъ паровозъ со стражниками... Положенiе критическое... Тогда Гаврюша, при помощи Өедосѣя, соскакиваетъ съ паровоза и вмѣстѣ бѣгутъ въ густую рожь, надѣясь укрыться въ сосѣднихъ оврагахъ... Но рана даетъ себя чувствовать, они не успѣваютъ добѣжать, ихъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ стражники и солдаты. Өедосѣй, раненный девятью пулями, кончаетъ съ собой выстрѣломъ въ високъ, Гаврюша же взятъ и на второй день умираетъ въ полицейскомъ застѣнкѣ.

Очеркъ анархическаго движенiя въ Екатеринославѣ

за полтора года (iюль 1905 — декабрь 1906).

Анархическое движенiе въ Екатеринославѣ зародилось въ маѣ 1905 г. Въ это время въ Екатеринославъ прiѣхалъ погибшiй нынѣ бѣлостокскiй тов. рабочiй Фишель Штейнбергъ (Самуилъ); въ концѣ iюня того же года туда прiѣхали два пропагандиста-агитатора прочесть нѣсколько рефератовъ, провести нѣсколько массовокъ. До тѣхъ поръ въ Екатеринославѣ не было слышно объ анархистахъ, рабочая масса совершенно не знала объ ихъ существованiи. Но, надо думать, рабочiя массы самой жизнью были подготовлены къ воспрiятiю идей анархизма, такъ какъ довольно было нѣсколькихъ рефератовъ одного изъ прiѣхавшихъ товарищей, чтобы возбудить громадный интересъ къ анархизму и привлечь всѣ симпатiи рабочихъ на сторону анархистовъ. Ораторъ остался въ Екатеринославѣ для болѣе постоянной работы. Начались правильныя занятiя — массовки два раза въ недѣлю по ночамъ на Амурѣ (рабочее предмѣстье Екатеринослава). На нихъ регулярно присутствовало 100 — 200 человѣкъ, почти исключительно рабочихъ. Всего три мѣсяца продолжались эти занятiя (iюль, августъ и сентябрь) но оставили неизгладимые слѣды и разъ навсегда укрѣпили анархическiя идеи среди екатеринославскихъ рабочихъ. Послѣ первыхъ же двухъ трехъ массовокъ на Амурѣ, почти вся амурская районная организацiя объявила себя анархистской и составила ядро молодой „Екатеринославской группы рабочихъ анархистовъ-коммунистовъ". Это ядро заводскихъ рабочихъ анархистовъ было пополнено многими городскими ремесленниками евреями, также объявившими себя анархистами. Этотъ массовый переходъ с-р-овъ (и отдѣльныхъ с.-д.) къ анархистамъ взволновалъ мѣстныя революцiонныя организацiи. С. р. и с. д. интеллигенты, игнорируемые ораторомъ анархистомъ, принуждены были ходить на далекiй Амуръ вести дискуссiи по окончанiи анархистскихъ массовокъ, чтобы окончательно не упустить изъ подъ своего влiянiя рабочiя массы. Слухъ объ анархистѣ, появившемся на Амурѣ и одерживающемъ постоянно верхъ въ дискуссiяхъ съ представителями другихъ партiй, волной прошелъ по всему городу, по всѣмъ рабочимъ предмѣстьямъ. И потянулись на Амуръ рабочiе съ Нижнеднѣпровска, съ Чечелевки, съ Кайдакъ слушать по цѣлымъ ночамъ новое слово легендарнаго анархиста „Волшебника" „Непобѣдимаго".

Работа велась въ тяжелыхъ условiяхъ: безъ всякихъ средствъ, безъ литературы, безъ типографiи. Выпускались лишь листки на гектографѣ и были распространены листки, полученные отъ петербургской группы. Въ большомъ количествѣ былъ распространенъ лишь петербургскiй „Манифестъ крестьянамъ анархистовъ-общинниковъ", встрѣченный съ живымъ интересомъ и симпатiей крестьянами сосѣднихъ деревень. Послѣ этого листка наибольшее значенiе имѣло распространенiе четырехъ выпусковъ листковъ „Къ оружiю", призывающихъ рабочихъ и крестьянъ къ самодѣятельности въ дѣлѣ вооруженiя; въ этихъ листкахъ указывается способъ изготовленiя бомбъ наиболѣе простого, общедоступнаго типа и т. д. *). Рабочiе сами стали отливать оболочки для бомбъ, сами стали приготовлять бомбы съ македонской смѣсью или готовымъ динамитомъ. Рабочiе другихъ партiй и даже безпартiйные приходили къ амурской группѣ за совѣтами и указанiями. Впрочемъ, это были только первые шаги, единичныя попытки, и фактически группа вооружилась бомбами гораздо позднѣе, лишь послѣ октябрьской забастовки и погрома.

Въ октябрѣ массовки прекратились. Рабочiе, предоставленные самимъ себѣ, все же ни на минуту не прекращали своей дѣятельности. Этотъ перiодъ,

*) Объ изданiяхъ, распространенныхъ въ этотъ перiодъ въ Екатеринославѣ смотри „Хлѣбъ и Воля" № 23.

въ который молодая рабочая группа осталась безъ всякой интеллигентной силы, можетъ быть обусловилъ нѣкоторое затишье въ широкой массовой работѣ, а также нѣкоторые неумѣлые шаги въ практической дѣятельности, но за то онъ же выковалъ изъ молодыхъ группoвцевъ истинныхъ анархистовъ, разсчитывающихъ только на самихъ себя, стойкихъ, неутомимыхъ борцовъ. За отсутствіемъ анархистскихъ собраній массовики поотстали, за то организованные групповцы сплотились тѣснѣе. Массовки прекратились, но въ это время появилась, хоть и въ недостаточномъ количествѣ, женевская литература — журналы, книги, брошюры (съ конца ноября литература стала получаться въ нѣсколько большемъ количествѣ). Групповцы жадно читали ее и распространяли вокругъ себя. Такимъ образомъ, они окончательно усвоили принципы анархизма, его программу и тактику и прекрасно знали, какъ вести себя въ различныхъ случаяхъ общественной жизни. Они не замедлили доказать это во время частичныхъ стачекъ, погрома, въ октябрьскую и декабрьскую стачки.

На Амурскихъ заводахъ Эзау и Машиностроительномъ, администрація, желая временно пріостановить работы, провоцировала стачку и уволила рабочихъ. Около тысячи рабочихъ оказалось на улицѣ. И вотъ 4-го октября въ Екатеринославѣ совершается первое анархистское покушеніе. Въ сумеркахъ убитъ наповалъ динамитной бомбой у себя въ квартирѣ директоръ машиностроительнаго завода Германнъ. Моментъ былъ выбранъ удачно: темнота позволила автору покушенія безпрепятственно скрыться, и Германъ былъ въ домѣ совершенно одинъ — ни семьи его, ни прислуги въ это время дома не было, такъ что никто не былъ раненъ. На другой же день по этому поводу группа выпустила „Извѣщеніе", а въ послѣдующіе дни — два листка, объясняющихъ причины и цѣль этого покушенія: „Ко всѣмъ рабочимъ" и „Къ рабочимъ машиностроительнаго завода" *). Рабочіе встрѣтили этотъ актъ съ живой симпатіей.

Черезъ нѣсколько дней вспыхнула октябрьская стачка. Малочисленная группа анархистовъ, не имѣвшая къ тому же въ своихъ рядахъ ни одного оратора, не могла выступить самостоятельно, не могла разсчитывать увлечь за собой рабочія массы, отвратить ихъ отъ политическихъ лозунговъ, но не могла она также и остаться равнодушной зрительницей въ моментъ массового выступленія рабочихъ. Если она не могла бороться за Учредительное Собраніе, то все же она могла и должна была бороться противъ царизма т. е. противъ наличнаго правительства. И почти всѣ анархисты, члены группы, вмѣстѣ съ рабочими другихъ партій сражались 11 октября на Чечелевскихъ баррикадахъ. Одна изъ двухъ бомбъ, брошенныхъ въ солдатъ, была брошена рукой анархиста. Рабочіе потеряли 22 человѣка, изъ строя солдатъ выбыло около 30. Анархисты тоже потеряли убитымъ одного товар., 17-ти лѣтняго рабочаго Илларіона Карякина. Похороны его представляли величественное зрѣлище: тысячныя толпы рабочихъ несли красныя и черныя знамена, пѣли революціонныя пѣсни, произносили революціонныя рѣчи. Эти похороны произвели сильное впечатлѣніе, глубоко врѣзались въ память нижнеднѣпровскаго народа.

*) См. „Хлѣбъ и Воля", № 24.

Стихла октябрьская стачка... Вышелъ манифестъ 17-го октября, дана амнистія. Конституціонная горячка охватила населеніе Екатеринослава; ликующее, опьяненное этой частичной побѣдой, съ красными флагами высыпало оно на улицу; 19-го 20-го и 21-го октября шли безпрерывные тысячные митинги въ городскомъ саду, на всѣхъ крупныхъ заводахъ, просто посреди улицъ, гдѣ ораторы начинали говорить и собирали толпу. Эти три дня, въ которые улица была всецѣло захвачена народомъ, когда испуганныя власти бездѣйствовали, несмотря на наличность самодержавія, въ россіи существовала дѣйствительная политическая свобода, какая и во снѣ не снилась конституціоннымъ и республиканскимъ странамъ западной Европы. Она была реализована на дѣлѣ, проведена захватнымъ образомъ. Нелегальныя изданія, прокламаціи, призывающія къ продолженію вооруженной борьбы, открыто распространялись, расклеивались на всѣхъ стѣнахъ и столбахъ. Открыто, у входа въ городской садъ, революціонеры, съ удостовѣреніями за печатью революціонныхъ организацій, собирали пожертвованія на оружіе, на бомбы, на динамитъ. Задорная толпа остановила коляску полиціймейстера, требуя пожертвованій „на бомбы", „на оружіе", на „гробъ Николаю II" и т. д. Смущенный, испуганный полиціймейстеръ отвѣтилъ „на оружіе я не могу дать, а вотъ въ пользу раненныхъ на баррикадахъ пожалуйста возьмите"...

Анархисты не могли заразиться конституціонной горячкой, не имѣли никакихъ иллюзій. Единственное, чего они хотѣли, это использовать свободу, взятую съ боя, выступить на митингахъ. Три анархиста въ различныхъ мѣстахъ брали слово, но затерялись, какъ и многіе другіе неопытные ораторы, только одна пріѣзжая анархистка, выступившая на рабочемъ митингѣ въ Нижнеднѣпровскѣ, произвела впечатлѣніе. Еще долго нижнеднѣпровскіе рабочіе вспоминали ее, говоря: „Какъ бы еще послушать ту барышню; она дѣло говорила, не то, что демократы" *).

21 октября началась стачка городовыхъ. Соціалъ-демократы составили имъ рядъ требованій, а 22-го октября разразился погромъ, подъ предводительствомъ переодѣтыхъ „забастовавшихъ" полицейскихъ... Точно громъ грянулъ изъ яснаго неба! Конституціонное самообольщеніе политиканствующихъ партій было однако такъ велико, что начальникъ одного с.-р.-овскаго отряда самообороны вызвалъ по телефону казаковъ для подавленія погрома, воображая, что революціонеры являются оффиціальными господами положенія...

Группу анархистовъ, какъ и другихъ, погромъ захватилъ врасплохъ. Все, что она могла сдѣлать, это организовать вольные анархическіе отряды самообороны, проявившіе себя, главнымъ образомъ, на Амурѣ. Одинъ изъ участвовавшихъ тамъ въ самооборонѣ товарищъ Архипъ Кравецъ **) былъ жестоко избитъ хулиганами. Онъ, съ браунингомъ въ рукѣ, занялъ постъ на одномъ изъ перекрестковъ поселка и требовалъ отъ хулигановъ, чтобы они складывали награбленное добро около него въ кучу. Довольно долго ему повиновались, но нако-

*) См. „Хлѣбъ и Воля" № 24.

**) Арестованный въ февралѣ 1906-го года на экспропріаціи въ Одессѣ въ магазинѣ Боннэ, онъ былъ приговоренъ одесскимъ военно-окружнымъ судомъ къ 15-ти лѣтней каторгѣ.

нецъ, многочисленные хулиганы кинулись на него и избили до потери сознанія. Замертво онъ былъ унесенъ товарищами.

Октябрьскіе дни доказали молодой группѣ А.-К. ея неорганизованность и неподготовленность. Въ октябрьскую стачку, въ дни „свободы" необходимы были тысячи листковъ, у группы же не было типо-графіи, во время стачки и погрома необходимо бы-ло быть хорошо вооруженными, готовыми къ вы-ступленію, у группы же оказалось въ наличности лишь двѣ три готовыя бомбы, да плохенькіе револь-веры системы „Смитъ и Вессонъ" и „Бульдогъ". Не-обходимо было серьезно подумать о вооруженіи. Нынѣ погибшій товарищъ, рабочій Ѳедосѣй Зубарь, взялъ на себя роль „лаборанта" и серьезно занял-ся изготовленіемъ бомбъ. Для остального же необ-ходимы были средства, а ихъ не было. Надо было достать ихъ. Предъ группой практически всталъ вопросъ объ экспропріаціи. Принципіально онъ дав-но былъ рѣшенъ: никакихъ сборовъ, пожертвова-ній не допускалось: съ буржуазіи,—какъ съ врага, съ рабочаго класса,—какъ съ неимущаго; признава-лись исключительно насильственныя требованія, на-сильственный захватъ денегъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ лицъ изъ буржуазіи.

И вотъ въ концѣ ноября группа сдѣлала первые неувѣренные, неловкіе шаги на пути революціонна-го вымогательства и сейчасъ же соц.-демократиче-скій комитетъ, не брезгавшій никакими средствами для борьбы съ анархистами *), напечаталъ въ мѣст-ной легальной газетѣ „заявленіе", въ которомъ на-зывалъ подобный способъ дѣйствія хулиганскимъ, выражая „увѣренность", что экспропріація совер-шена не анархистами, и предлагая группѣ реаби-литироваться въ печати. Группа немедленно отвѣ-тила, что экспропріація была совершена ею и крат-ко обосновала свои взгляды на анархическія „экспро-пріаціи" и соціалъ-демократическіе „сборы добро-вольныхъ пожертвованій". Этотъ отвѣтъ газету за-ставили помѣстить насильно, несмотря на соціалъ-демократическое приглашеніе реабилитироваться въ печати **). Этотъ случай вновь заставилъ Екатери-нославъ заговорить объ анархистахъ: интеллиген-ція порицала анархистовъ, а рабочіе провокатор-скую выходку соц.-дем. комитета ***).

Около этого же времени была получена женев-ская литература, начались, хоть и не регулярно, кружковыя занятія, возобновились выпуски листковъ на гектографѣ *), была организована небольшая Группа А.-К. на огромномъ Каменскомъ заводѣ, вначалѣ получавшая литературу, листки, бомбы, отъ Екатеринославской группы, а затѣмъ начавшая издавать листки, изготовлять бомбы и доставать деньги на оружіе самостоятельно.

Но пропагандистско-организаціонная работа, не-замѣтная и скромная — но необходимая, была вско-рѣ прервана: сначала — наступившими тревожными днями, потомъ — лютой реакціей. Городъ былъ не-спокоенъ. Всѣ ожидали чего то 6-го декабря, одни говорили о военномъ бунтѣ, другіе о погромѣ. Анархисты группоцы, распространивъ листки „Къ солдатамъ", вооружились бомбами, рѣшивъ ихъ пу-стить въ дѣло и въ томъ и въ другомъ случаѣ, и ожидать событій въ городѣ, но день прошелъ спо-койно. Черезъ нѣсколько дней вспыхнула декабрь-ская забастовка. Группоцы продолжали ходить во-оруженные бомбами, готовые всѣ, при первомъ столкновеніи народа съ полиціей или солдатами, какъ по сигналу, пустить ихъ въ ходъ. Вооружен-ные такимъ образомъ, они ходили почти на всѣ митинги и ждали момента своего выступленія. Вы-пустили также листокъ „Ко всѣмъ рабочимъ", не призывавшій къ всеобщей стачкѣ и возстанію въ данный моментъ, но говорившій, что при налично-сти факта всеобщей стачки необходимо не прово-дить ее мирно, а захватить массами предметы пер-вой необходимости, напасть на оружейные магази-ны, превратить эту стачку въ вооруженное возста-ніе. Но, за отсутствіемъ ораторовъ и типографіи, идеи эти были распространены лишь въ нѣсколь-кихъ стахъ гектографированныхъ листковъ и ока-зать серьезнаго вліянія на массу не могли.

Къ группѣ А.-К. пріѣхалъ делегатъ эсъ-эровскихъ боевыхъ дружинъ изъ Александровска съ извѣще-ніемъ, что тамъ идетъ кровопролитіе, пробивается Симферопольскій полкъ, съ бою занимая одну стан-цію за другой по линіи, бывшей всецѣло въ рукахъ стачечниковъ. Делегатъ с.-р. просилъ снабдить ихъ бомбами, а также выслать дружину Анархистовъ въ Александровскъ. Группа колебалась. Первое по-бужденіе было — ѣхать. Но группа была малочис-ленна, ожидались событія въ самомъ Екатеринославѣ, гдѣ велась анархистская пропаганда, гдѣ всѣ знали о существованіи Группы — было рѣшено не разроз-нивая силъ, ждать событій въ Екатеринославѣ. Александровцевъ только снабдили бомбами.

---

*) Какъ-то срываніе маевокъ, запрещеніе своимъ организованнымъ рабо-чимъ читать анархистскую литературу и т. д. „Комитетъ Бунда" прямо за-претилъ бундовцамъ принимать отъ анархистовъ листки, и не разъ группо-вые рабочіе, чтобы наглядно доказать всю нелѣпость поученія комите-тамъ, отказывали бундовцамъ, обращавшимся за листками, говоря: „Вамъ нельзя, вамъ комитетъ запрещаетъ читать." О подобныхъ же нелѣпыхъ, не-красивыхъ средствахъ борьбы съ анархистами, употребляемыхъ русскими соціалъ-политиками смот. легальную книгу А. Кульчицкаго „Анархизмъ въ Россіи".

**) См. „Вѣстникъ Юга" отъ 30-го ноября и 2-го декабря 1905.

***) Что это была именно провокаторская выходка, опубликованіе чужихъ, конспиративныхъ, организаціонныхъ дѣлъ, а не искреннее невѣдѣніе можно видѣть изъ того, что, прежде чѣмъ опубликовать свое „заявленіе" въ газе-тахъ, соціалъ-демократическій комитетъ могъ обратиться частнымъ образомъ къ группѣ, чтобы узнать дѣйствительно ли это были не анархисты — и не сдѣлалъ этого. Связи съ группой найти было очень легко. Соціалъ-демокра-ты сумѣли найти ихъ въ концѣ апрѣля, когда почти весь соціалъ-демокра-тическій коллективъ ссылался въ Тобольскую губ. (около 30-ти человѣкъ, изъ числа которыхъ интеллигенты были болѣе или менѣе обезпечены, у 13-ти же рабочихъ не было абсолютно ни копѣйки). Соціалъ-демократы не могли оказать въ тотъ моментъ своимъ ссыльнымъ товарищамъ даже мини-мальной помощи и сумѣли найти связи съ группой А.-К., чтобы попросить у группы поддержки. Группа могла дать на ссыльныхъ только 30 руб., а такъ какъ этого было недостаточно, соціалъ-демократическій комитетъ за-нялъ у группы еще 30 руб., давъ оффиціально обѣщаніе вернуть черезъ 3 мѣсяца (въ концѣ іюля). Группа А.-К. дала взаймы просимую сумму изъ де-негъ, ассигнованныхъ на обезпеченіе анархистской типографіи. Прошелъ августъ, сентябрь и октябрь. У группы была острая нужда въ деньгахъ, и она рѣшила напомнить о долгѣ. Получивъ, вмѣсто долга и всякаго объясне-нія, наглый отвѣтъ „У насъ денегъ нѣтъ, мы на экспропріаціи не ходимъ", Группа объявила С.-Д. Комитету, что требуетъ уплаты денегъ въ теченіе 10-ти дневнаго срока, по истеченіи котораго будетъ считать себя вправѣ опубликовать факты. Черезъ нѣсколько дней С.-Д. Комитетъ отвѣтилъ прось-бой разрѣшить уплатить долгъ въ разсрочку, причемъ внести первые 10 руб. черезъ двѣ недѣли. Группа согласилась. Не получивъ этихъ 10 рублей въ назначенный самимъ комитетомъ день, Группа рѣшила положить конецъ этому издѣвательству и предала (устно) фактъ гласности на заводахъ. Рабо-чіе с.-д. объявили поведеніе своего комитета позор[illegible] и потребовали, что-бы комитетъ немедленно вернулъ долгъ группѣ А.-К. Только тогда Комитетъ рѣшился уплатить долгъ — 10 рублей деньгами, остальное оружіемъ.

*) Въ этотъ періодъ были изданы и распространены слѣд. листки: „По-литическая революція или соціальная?" „Нужна ли конституція въ Россіи", „Крестьяне и рабочіе". (3 перепечатки изъ „Безначалія"), „Голодъ, Невѣже-ство, Страхъ" (перепечатка изъ „Хлѣба и Воли") „Къ оружію" (перепечатка съ прежняго листка) „Къ солдатамъ" (перепечатка съ Бѣлостокскаго листка съ добавленіемъ) и наконецъ оригинальная прокламація „Ко всѣмъ рабо-чимъ" во время декабрьской забастовки.

Въ первый день стачки настроеніе у рабочихъ было боевое, приподнятое. Свѣжа была память о побѣдоносной октябрьской стачкѣ. 5-ти тысячный митингъ собрался на Брянской площади, рабочіе буквально рвались въ бой. Но вмѣсто того, чтобы использовать это настроеніе, соціальдемократы, призывавшіе народъ къ всеобщей стачкѣ, распустили митингъ. Рабочихъ пригласили явиться завтра не на общій митингъ на площади, а на отдѣльные митинги по заводамъ — и въ остальномъ положиться на боевой стачечный комитетъ. Рабочіе разошлись по домамъ; на послѣдующихъ митингахъ Боевой Стачечный Комитетъ продолжалъ взывать къ порядку, къ мирному веденію стачки, просилъ не выносить флаговъ, не пѣть на улицахъ. Соціальдемократы договорились до того, что „всякое отдѣльное выступленіе, отдѣльное нападеніе на полицію будетъ провокаціей", а соціалисты-революціонеры — что вооруженное возстаніе возможно только тогда, „когда солдаты первые перейдутъ на сторону народа, а крестьяне придутъ въ городъ дѣлать революцію".

И бодрое, боевое настроеніе рабочихъ массъ поневолѣ исчезало. Уныніе овладѣвало ими. Появилась вялость бездѣйствія. А между тѣмъ въ это время въ Москвѣ, Харьковѣ, Новороссійскѣ, Ростовѣ, во всемъ Донецкомъ районѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ совершались грандіозныя событія, въ самомъ Екатеринославѣ первые дни тысячи рабочихъ рвались въ бой, всѣ линіи желѣзныхъ дорогъ были въ рукахъ возставшаго народа — а мѣстная администрація не была увѣрена въ мѣстныхъ полкахъ, не рѣшалась запретить митинги до тѣхъ поръ, пока не вернулся Симферопольскій полкъ. И какъ только онъ прибылъ въ городъ, сейчасъ-же все оружіе изъ магазиновъ было перегружено въ цейхгаузъ, запрещены митинги, объявлено военное положеніе, опубликовано приказаніе населенію сдать оружіе властямъ до 27-го декабря, въ случаѣ-же обнаруженія его позже положеннаго срока ослушниковъ будутъ карать по всей строгости законовъ военнаго времени. И зловѣщая тишина воцарилась въ городѣ и предмѣстьяхъ. Вся Чечелевка была оцѣплена войсками съ артиллеріей, и начались повальные обыски, изъ дома въ домъ. Массовые обыски были произведены также и на Амурѣ. Пришлось попрятать оружіе, отказаться даже отъ чтенія литературы, прекратить изданія на гектографѣ — однимъ словомъ, временно совершенно „притихнуть".

Между тѣмъ въ Екатеринославъ пріѣхали „Великій Фантазеръ" Владиміръ Стрига *), и еще одинъ анархистъ-референтъ. Стрига ѣхалъ въ Екатеринославъ съ намѣреніемъ повести тамъ широкую массовую работу, онъ хотѣлъ подготовить рабочихъ Екатеринослава къ провозглашенію временной коммуны въ первое-же массовое движеніе, которое, какъ всѣмъ тогда казалось, было не за горами...

Ѣхалъ онъ не одинъ, а съ 4-мя другими пропагандистами — агитаторами; везли также изъ Бѣлостока въ Екатеринославъ типографію. Но судьба судила иначе. Товарищи пропагандисты были арестованы въ дорогѣ, типографія также была арестована въ Кіевѣ, гдѣ временно вынужденъ былъ остановиться застигнутый въ дорогѣ всеобщей стачкой везшій ее Екатеринославскій товарищъ Василій Раковецъ *). Такимъ образомъ, Стригины планы разстроились, онъ отказался отъ мысли подготовить временную коммуну въ Екатеринославѣ и задался цѣлью организовать Русскую террористическую летучую группу анархистовъ для совершенія крупныхъ террористическихъ актовъ по всей Россіи и за границей. Другой-же пріѣзжій товарищъ читалъ въ теченіе мѣсяца (январь) рефераты въ городѣ, на которыхъ, за неимѣніемъ большаго помѣщенія, присутствовало по 40—60-ти человѣкъ.

Несмотря на только-что объявленное военное положеніе, Группа выпустила въ январѣ 2 первыхъ печатныхъ листка (по 3000 экз.) захватнымъ образомъ, такъ какъ не имѣла собственной типографіи. Первый листокъ (написанный Стригой) освѣщалъ только-что совершенное анархистами покушеніе въ кофейнѣ Либмана въ Одессѣ, второй былъ болѣе общаго содержанія. Появленіе первыхъ печатныхъ листковъ Екатеринославской Группы А.-К. въ моментъ самой лютой реакціи, когда всѣ партіи притихли, вызвало толки въ городѣ. Листки были распространены въ Екатеринославѣ, предмѣстьяхъ и на Каменскомъ заводѣ. Въ Каменскомъ были также возобновлены небольшія массовки (по 30 чел.).

Въ Екатеринославѣ и Каменскомъ были распространены Одесскіе листки о Либмановскомъ актѣ, №№ „Чернаго Знамени", Женевская литература, привезенная товарищемъ Янекомъ Ганнскимъ (нынѣ казненнымъ); онъ привезъ ее въ самый разгаръ декабрьской стачки, когда желѣзныя дороги были уже въ рукахъ правительства; (Ганнскій былъ переодѣтъ въ солдатскую форму и пріѣхалъ съ запасными). Нѣсколько позднѣе распространили здѣсь Кропоткинскія брошюры, изданныя Бѣлостокской Группой.

Стрига, между тѣмъ преслѣдовалъ свою идею — созданія отдѣльной террористической организаціи. Съ этой цѣлью онъ созвалъ конгрессъ сочувствующихъ этой идеѣ и готовыхъ пойти на террористическій актъ товарищей въ одномъ изъ южныхъ городовъ Россіи.

Онъ сгруппировалъ, такимъ образомъ вокругъ себя около 60-ти человѣкъ, составлявшихъ, за немногими исключеніями, цвѣтъ группъ А.-К. запада и юга, чѣмъ сильно подорвалъ мѣстную работу во многихъ группахъ. На съѣздѣ были распредѣлены роли и намѣчены сообща ближайшіе террористическіе акты, но для реализаціи этихъ плановъ необходимы были крупныя средства, а ихъ было меньше, чѣмъ когда либо — съѣздъ обошелся въ три тысячи рублей, одной Екатеринославской Группѣ онъ стоилъ 1,000 рублей. Намѣчена была многотысячная экспропріація въ Екатеринославѣ. Для совершенія ея съѣхались въ Екатеринославъ многіе нелегальные товарищи изъ другихъ городовъ. Былъ полученъ транспортъ браунинговъ. Но экспропріація оказалась мало осуществимой — завѣдомо надо было пожертвовать половиной нападающихъ, по крайней мѣрѣ 10-ю товарищами. Отъ нея отказались. Нелегальнымъ-же товарищамъ надо было гдѣнибудь жить, и они остались въ Екатеринославѣ. А между тѣмъ, мѣстная Группа буквально изнемогала отъ наплыва нелегальныхъ товарищей. Необходимо было всѣхъ поддерживать, всѣмъ обезпечить

*) Владиміръ Стрига, погибшій во время случайнаго взрыва въ Венсенскомъ лѣсу въ Парижѣ въ апрѣлѣ 1906 года.

*) Рабочіе анархисты Василій Раковецъ и Алексѣй Стрилецъ-Пастушенко были арестованы въ Кіевѣ въ половинѣ декабря 1905 года съ типографіей и взрывчатыми веществами и присуждены военно-окружнымъ судомъ къ 4-хъ лѣтней каторгѣ.

ночлегъ и, несмотря на самыя минимальныя потребности, средства уходили. Самъ съѣздъ тоже обошелся дорого. Это была эра экспропріацій: январь, — февраль, — мартъ 1906 года. По неопытности, совершались мелкія экспропріаціи: (мелкія экспропріаціи — но не экспропріаціи у мелкихъ собственниковъ), требованіе крупной суммы у крупнаго буржуа, захватъ дневной выручки магазина крупной фирмы, и т. д.). Онѣ были мало практичны — но отличались необыкновенной смѣлостью. Вскорѣ по всѣмъ улицамъ, на всѣхъ перекресткахъ были поставлены солдатскіе патрули спеціально для охраны магазиновъ. И на другой же день снова была захвачена выручка въ двухъ магазинахъ...*)

Въ концѣ января и началѣ февраля было два выступленія молодой Каменской Группы.

Рабочій Оликъ Чернецкій (нынѣ казненный по другому дѣлу) стрѣлялъ въ заводского мастера (ранилъ), и двѣ бомбы — македонки были брошены въ Каменскомъ въ участокъ. Это послѣднее покушеніе стоило жизни случайно арестованному и невинно обвиненному въ немъ Екатеринославскому товарищу Василію Доценкѣ (Николаю) **). Въ февралѣ было также одно случайное покушеніе въ Екатеринославѣ: идя по улицѣ, товарищъ рабочій Вячеславъ Виноградовъ (Степанъ) увидалъ, какъ офицеръ замахнулся на солдата, не отдавшаго ему чести. Степанъ помѣшалъ офицеру ударить солдата и въ отвѣтъ на дерзости выхватилъ браунингъ и три раза выстрѣлилъ въ него. Раненный офицеръ упалъ, а солдаты, выбѣжавшие на выстрѣлы изъ казармы, не зная, въ чемъ дѣло, бросились догонять Степана. Стрѣлять въ преслѣдовавшихъ его солдатъ онъ не хотѣлъ и только нѣсколько разъ выстрѣлилъ въ воздухъ. Солдаты остановились, и лишь въ одного, продолжавшаго преслѣдованіе, онъ рѣшился выстрѣлить. Браунингъ далъ осѣчку, товарищъ былъ избитъ и отправленъ въ тюрьму. Черезъ два дня, сопровождаемый двумя конвойными въ тюрьму изъ охраннаго отдѣленія, куда его водили на допросъ, Степанъ пытался бѣжать, но былъ задержанъ рабочимъ соціалъ-демократомъ, который послѣ въ свое оправданіе говорилъ: „Я думалъ, что воръ бѣжитъ." Подоспѣли конвойные, Степанъ былъ вновь избитъ, израненъ и препровожденъ въ тюрьму. 10 марта онъ былъ осужденъ военно-окружнымъ судомъ на 15-ти лѣтнюю каторгу, откуда въ настоящее время бѣжалъ.

Жертвой той-же сантиментальности (нежеланія стрѣлять въ преслѣдующую хулиганскую публику) сдѣлался 1-го марта 1906 г. товарищъ Тихонъ Курникъ (Петръ), бѣглый солдатъ дисциплинарнаго батальона. Онъ былъ въ Кременчугѣ на вокзалѣ съ товарищемъ Маріей Купкой, когда полиція явилась арестовать ихъ. Петръ стрѣлялъ изъ обѣихъ рукъ, держа въ каждой по заряженному револьверу; убилъ городового и одного изъ главныхъ агентовъ сыскного отдѣленія. Маруся, воспользовавшись суматохой, скрылась. Петръ же бѣжалъ, но былъ настигнутъ и задержанъ желѣзнодорожнымъ служащимъ, въ котораго не сталъ стрѣлять.*)

Въ февралѣ была брошена небольшая бомба въ посудный магазинъ Вайсмана, который поднялъ

---

*) Въ этотъ періодъ была также масса случаевъ „экспропріацій", при которыхъ нападавшіе просто злоупотребляли именемъ анархистовъ. Эти „экспропріаціи" мелкихъ собственниковъ, принадлежащихъ все-же къ необезпеченному и трудящемуся люду, совершаемыя отъ имени анархистовъ, подрывали престижъ Группы въ глазахъ людей, не дававшихъ себѣ труда подумать, что онѣ не могутъ быть совершены анархистами. Поэтому, Группѣ пришлось, поскольку это было возможно, бороться съ этого рода „экспропріаціями", она заявляла, что противъ злоупотребленія именемъ анархистовъ Группа будетъ принимать свои мѣры, иногда она выслѣживала нападавшихъ и требовала отъ нихъ объясненій. Случалось, что эти „экспропріаціи" совершались обыкновенными ворами и хулиганами, даже агентами сыскного отдѣленія; такъ напримѣръ, возмутительное ограбленіе на 1000 руб. еврея — портного, распродавшаго все имущество, чтобы выѣхать съ семьей въ Америку, совершенное отъ имени Группы А.-К., какъ было установлено полиціей, было совершено арестованной въ другомъ мѣстѣ шайкой воровъ — рецидивистовъ подъ руководствомъ уголовнаго бѣглаго каторжанина. Памятна также и августовская исторія увольненія начальника сыскного отдѣленія въ Екатеринославѣ. Но въ большинствѣ случаевъ эти „экспропріаціи" совершались просто голодными рабочими, часто массовыми и организованными рабочими соціалъ-демократами. И въ такихъ случаяхъ, обыкновенно безъ труда удавалось дать имъ понять, что, конечно, они имѣютъ право не умереть съ голоду и взять, гдѣ можно, — но, что они должны добросовѣстно выбирать, у кого взять, а также брать просто отъ имени безработныхъ, вмѣсто того, чтобы злоупотреблять именемъ анархистовъ, съ которыми они ничего общаго не имѣютъ. Приведемъ одинъ яркій примѣръ. Однажды въ Брянскомъ районѣ рабочій анархистъ случайно сдѣлался свидѣтелемъ нападенія отъ имени Группы А.-К. на маленькую лавочку, съ угрозой убить лавочницу въ случаѣ отказа дать денегъ. Съ револьверомъ въ рукахъ онъ выгналъ нападавшихъ изъ лавки, сказавъ, что онъ — анархистъ — знаетъ, что тѣ не анархисты, и успокоилъ лавочницу словами, что никогда анархисты не позволятъ себѣ отнять копейки у трудящагося. Нападавшие преслѣдовали его вплоть до самой квартиры, гдѣ подвергли обстрѣлу, на который онъ также отвѣтилъ выстрѣлами. На другой день, придя на работу на заводъ, онъ узналъ среди рабочихъ двоихъ изъ вчерашнихъ нападавшихъ. Немедленно они были арестованы другими рабочими (конечно не для выдачи полиціи, а для объясненія, которое они должны были дать Группѣ А.-К.). Они оказались нуждающимися рабочими соціалъ-демократами, съ ними поговорили, и они безъ труда поняли, что было хорошаго и что было дурного, несознательнаго въ ихъ поступкѣ; одинъ изъ нихъ (семнадцатилѣтній Балтуренко) позднѣе былъ арестованъ и казненъ за обезоруженіе городового, и, несмотря на истязанія, не выдалъ сообщниковъ.

Иногда черезъ эсъ-эровскую интеллигенцію, нѣкоторые интеллигенты или мелкіе собственники запрашивали Группу, прилагая полученныя ими письма съ подложными печатями; Группа вручала имъ оффиціальное опроверженіе. Приведемъ одинъ характерный примѣръ. Одинъ Екатеринославскій интеллигентъ получилъ письмо съ требованіемъ 200 руб. По формѣ этого письма онъ догадался, что оно было подложнымъ; да и дать такую сумму для него было крайне трудно. Запросивъ по этому поводу Группу, онъ получилъ, конечно, отрицательный отвѣтъ. Тогда онъ послалъ по указанному адресу 15 рублей съ письмомъ, въ которомъ говорилъ: 1) что угрозъ ихъ онъ не боится, т. к. ему завѣдомо извѣстно, что они — не анархисты; 2) полиціи на нихъ не доноситъ, т. к. это противно его взглядамъ; 3) 200 руб. дать не можетъ, но, думая, что только крайняя нужда толкнула ихъ на этотъ поступокъ, прилагаетъ посильную лепту — 15 руб. Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ письмо съ благодарностью и съ увѣреніемъ, что, дѣйствительно только голодъ вынудилъ ихъ рѣшиться на такой поступокъ, за подписью: „не анархисты и не коммунисты".

Этихъ примѣровъ достаточно, что-бы выяснить, что нападеній на мелкихъ собственниковъ анархисты не совершали, что люди, распространяющіе подобные слухи — сознательные или несознательные клеветники. Что же касается второго обвиненія, взводимаго на анархистовъ соціалъ-демократами и такъ называемымъ „обществомъ" — будто анархисты своимъ примѣромъ породили цѣлую массу темныхъ личностей грабящихъ мелкихъ собственниковъ — оно, со всей его кажущейся справедливостью, тоже не выдерживаетъ критики. Неудивительно, что такого мнѣнія придерживается „общество", но чтобы соціалъ-демократы, исповѣдующіе историческій матеріализмъ придавали такое значеніе идеологическому фактору — дурному примѣру — это крайне удивляетъ насъ. Имъ не мѣшало-бы вспомнить, что всюду и всегда, вмѣстѣ съ кризисомъ и безработицей, увеличивалось число кражъ, грабежей и даже убійствъ (см. хоть-бы статистику Туганъ-Барановскаго, касающуюся Англіи). Сейчасъ въ Россіи происходитъ совершенно то же самое явленіе. Капиталистическое производство, война — а затѣмъ революція породили страшный промышленный кризисъ, небывалую безработицу, а кризисъ и безработица породили эти безконечныя нападенія (къ сожалѣнію, не организованныя и плохо направленныя) на частныхъ собственниковъ. Голодные идутъ „взять, гдѣ есть" не потому, что анархисты совершаютъ экспропріаціи для партійныхъ цѣлей — а потому, что они голодны. Ими руководитъ экономическій факторъ — голодъ, а не идеологическій — примѣръ. У анархистовъ же они заняли лишь внѣшнюю форму нападеній — требованіе денегъ вмѣсто воровства.

**) См. „Буревѣстникъ" № 1-й.

*) Въ іюнѣ Тихонъ Курникъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но, по ходатайству жителей г. Кременчуга, смертная казнь была ему замѣнена безсрочной каторгой. Осенью онъ участвовалъ въ побѣгѣ 30-ти (съ жертвами со стороны тюремщиковъ) изъ Владимирской каторжной тюрьмы, но оказался въ числѣ вновь задержанныхъ и преданъ военному суду. Казненъ-ли онъ, или вновь бѣжалъ (4 человѣка бѣжало изъ зданія суда) намъ до сихъ поръ неизвѣстно. Марія же Купка была арестована 15-го мая въ Екатеринославѣ на массовкѣ, 24-го іюня узнана полиціей и отправлена въ Кременчугскую тюрьму. Тамъ ее подвергли пыткамъ (безрезультатно), позднѣе, хотѣли совершить надъ ней насиліе, а за сопротивленіе и поднятый шумъ (взволновавшій всю тюрьму) жестоко избили. Въ настоящее время она приговорена къ 8-ми лѣтней каторгѣ. (См. газету „Приднѣпровскій Край" отъ 1-го и 2-го марта и 20 іюня 1906 года).

Кромѣ Василія Доценко, Тихона Курника, Вячеслава Виноградова Группа въ этотъ періодъ понесла потери также въ лицѣ товарища — рабочаго Степана Сѣденко, арестованнаго въ февралѣ въ Симферополѣ и приговореннаго къ 8-ми лѣтней каторгѣ.

тревогу, когда къ нему пришли съ требованіемъ денегъ отъ имени Группы Анархистовъ-Коммунистовъ. Товарищъ, пришедшій бросить бомбу, предварительно крикнулъ: „Товарищи-приказчики, текайте!“ а затѣмъ уже бросилъ ее. Одинъ изъ приказчиковъ, который почему то не ушелъ, былъ раненъ въ ногу; Вайсманъ же потерпѣлъ нѣсколько тысячъ убытку.

Въ концѣ февраля былъ первый анархистскій побѣгъ: безъ всякой помощи извнѣ товарищъ Янекъ Ганнскій (Митя) бѣжалъ изъ такъ называемыхъ „бараковъ“ — казацкой конюшни, приспособленной, за переполненіемъ тюрьмы, для политическихъ заключенныхъ. Перочиннымъ ножомъ прорѣзалъ онъ дыру въ стѣнѣ заброшеннаго отхожаго мѣста. Часто, пока онъ скребъ ножомъ стѣну, крестьяне-аграрники стучали въ нее ногами, съ удивленіемъ говоря: „ишь какъ крысы сегодня расходились“. Онъ пріостанавливался на минуту, потомъ вновь принимался за работу и бѣжалъ въ 4 часа дня, пройдя чуть не подъ самымъ носомъ часового въ арестантскихъ котахъ.

Въ концѣ февраля была совершена первая болѣе крупная экспропріація въ Екатеринославѣ 2100 руб. у кассира пристани Гурарія. Изъ этихъ денегъ, 500 руб. было увезено товарищами въ Бѣлостокъ, 100 руб. въ Симферополь, 100 рублей на изданіе крестьянской популярной брошюры, 700 руб. взяла для организаціи въ одномъ городѣ сорокатысячной экспропріаціи „Летучая террористическая группа“ Стриги. Многіе члены этой организаціи, пріѣзжіе и мѣстные Екатеринославскіе, уѣхали на эту экспропріацію и увезли съ собой браунинги и бомбы. Предпріятіе это окончилось неудачей, деньги были израсходованы, и „Группа“ должна была отложить свои планы на долгій срокъ, фактически же вовсе прекратила свое существованіе, какъ таковая. Отдѣльные члены ея совершили позднѣе отдѣльные террористическіе акты по личной инициативѣ, самъ же Стрига, какъ извѣстно, въ половинѣ апрѣля погибъ отъ случайнаго взрыва въ Парижѣ, не успѣвъ „спѣть“ свою лебединую пѣснь“.

Изъ 700 рублей, оставшихся на долю Екатеринославской Группы было немедленно употреблено 60 р. на шрифтъ и 135 рублей на помощь арестованнымъ товарищамъ и ихъ семьямъ. Остальныя деньги должны были пойти на постановку типографіи и обезпеченіе функціонированія ея въ теченіе мѣсяца, на транспортъ литературы, небольшой транспортъ браунинговъ; закупку динамита и т. д. Какъ вдругъ Одесская Группа обратилась къ Екатеринославской съ просьбой дать 500 р. на освобожденіе „Либмановцевъ“ (тов., бросившихъ бомбы въ кофейню Либмана), которыхъ должны были судить и казнить на дняхъ. У Екатеринославской Группы оставалось въ это время только 505 рублей. Дать просимыя деньги, значило на нѣкоторое время совершенно обезсилить Группу, дезорганизовать необходимую работу. Не дать значило взять на себя отвѣтственность за смерть товарищей. И Екатеринославская Группа послала просимыя деньги *). На 5-же остальныхъ рублей была снята квартира, въ которую былъ сложенъ привезенный шрифтъ, обреченный, за отсутствіемъ денегъ, на временное бездѣйствіе. Съ отъѣздомъ членовъ „Летучей Группы“, Екатеринославская Группа, правда, временно освободилась отъ бремени содержанія нелегальныхъ; но она лишилась также и многихъ мѣстныхъ товарищей, необходимыхъ для мѣстной работы, лишилась увезеннаго ими оружія. Такимъ образомъ, Группа осталась безъ людей, безъ оружія, безъ копейки денегъ, безъ типографіи — даже безъ сплоченной сочувствующей массы, разбредшейся ввиду того, что съ конца января не велось больше ни массовокъ, ни кружковъ. Нѣсколько человѣкъ, оставшихся старыхъ групповцевъ, должны были вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть возрожденія Группы, должны были „создать все изъ ничего“.

И они — эти нѣсколько человѣкъ — сдѣлали это. За неимѣніемъ достаточнаго количества оружія для организаціи серьезной экспропріаціи, одинъ товарищъ вызвался итти съ письмомъ отъ Группы съ требованіемъ скромной суммы (300 руб.) въ одинъ магазинъ. Рискованный шагъ увѣнчался успѣхомъ. Было куплено нѣсколько револьверовъ. Были выданы деньги на пріобрѣтеніе типографскаго станка. Возобновили связи съ Нижне-Днѣпровскомъ — и въ мартѣ возникъ небольшой Нижне-Днѣпровскій кружокъ. Среди вновь перешедшихъ, были такіе люди, какъ Павелъ Гольманъ, Семенъ Трубицынъ, шедшіе на всякій рискъ (оба нынѣ погибшіе). Но старые групповцы рѣшили поднять на своихъ плечахъ всю черную работу, не привлекать вновь перешедшихъ сразу къ экспропріаціи. Новая же экспропріація была необходима. И вотъ въ концѣ марта нѣсколько товарищей совершаютъ „средь бѣлаго дня дерзкое нападеніе“ (какъ писали мѣстныя газеты) на почтовое отдѣленіе по Александровской улицѣ. Начальникъ почтоваго отдѣленія выхватилъ револьверъ и, ни слова не говоря, прицѣлился въ тов. Самуила (Фишеля Штейнберга), державшаго бомбу и требовавшаго деньги. Грянули выстрѣлы — анархистовъ, выручавшихъ взятаго на прицѣлъ товарища. Почтовый начальникъ упалъ, сраженный наповалъ, товарищи же вынуждены были бѣжать, не захвативъ денегъ, а послѣ даже покинуть изъ предосторожности городъ *). Немногія оставшіяся у Группы отъ прежней экспропріаціи деньги пошли на этотъ отъѣздъ и Группа вновь осталась безъ средствъ. Это „дерзкое нападеніе“ привело въ бѣшенство генералъ-губернатора, онъ вызвалъ полиціймейстера, кричалъ, топалъ ногами — почему у почты не стояло патруля. Охрана зданій была усилена.

Въ самомъ концѣ марта Группѣ удается, наконецъ, достать 1000 рублей (въ двухъ мѣстахъ) и въ апрѣлѣ работа возобновляется. Вновь перешедшіе товарищи изъ Нижне-Днѣпровскаго кружка Павелъ Гольманъ и Семенъ Трубицынъ совершаютъ первыя послѣ перерыва — правда не совсѣмъ удачныя — покушенія: оба они стрѣляютъ въ Нижне-Днѣпровскѣ въ жандармскаго вахмистра Коваленка (жандарма, шпіона и доносчика) и легко ранятъ его. Подъ Пасху, вечеромъ, Семенъ Трубицынъ стрѣ-

---

*) „Либмановцевъ“ должны были судить и казнить черезъ нѣсколько дней, но судъ былъ отложенъ за болѣзнью подсудимаго Моисея Меца. Половина денегъ была израсходована на безплодныя попытки освобожденія ихъ, а половина послужила на побѣгъ и отъѣздъ за границу казненнаго въ настоящее время Левы Тарле, въ то время сидѣвшаго за храненіе взрывчатыхъ веществъ.

*) Полиція арестовала по этому дѣлу трехъ невинныхъ рабочихъ. Почтовые чиновники ухитрились узнать (?!?!) ихъ, и они были приговорены къ смертной казни, съ замѣной, (кажется по ходатайству родныхъ) безсрочной каторгой, гдѣ они томятся и сейчасъ. Именъ ихъ мы не знаемъ, но ихъ легко установить по легальнымъ мѣстнымъ газетамъ.

льетъ на Амурѣ шпіона Суслова (Володьку Рябого) и тяжело ранитъ его въ животъ. Въ обоихъ случаяхъ товарищи благополучно скрылись.

Въ первый день Пасхи, Группа понесла потерю въ лицѣ скромнаго, но честнаго работника Ивана Евсѣева (Вани Кабанчика), незамѣнимаго въ дѣлѣ распространенія листковъ и другой невинной, но необходимой работѣ. Идя съ Гольманомъ по Нижне-Днѣпровску проходнымъ дворомъ, Евсѣевъ неосторожно пощупалъ бывшій у него въ карманѣ браунингъ — грянулъ выстрѣлъ, которымъ онъ былъ убитъ. Гольманъ, думая, что онъ еще будетъ жить, вмѣсто того, чтобы уйти, побѣжалъ за докторомъ, чѣмъ впервые немного скомпрометтировалъ себя.

18-го апрѣля была совершена группой крупная экспропріація 6,495 рублей у сборщика монополій. Нападавшие остановили экипажъ сборщика, обезоружили его и завладѣли деньгами. Всѣхъ прохожихъ и проѣзжихъ товарищи арестовывали, такимъ образомъ былъ арестованъ солдатъ и нѣсколько крестьянъ на подводахъ. Второпяхъ разсыпали мѣшокъ съ серебромъ. Крестьяне попросили позволенія подбирать — товарищи имъ позволили. Затѣмъ, сведя экипажъ сборщика съ дороги въ канаву и приказавъ въ теченіе четверти часа не трогаться съ мѣста, удалились съ деньгами.*)

Въ концѣ апрѣля (27-го) товарищъ Оликъ Черненкій поѣхалъ въ Каменское свести счеты съ каменской полиціей. Онъ напалъ на трехъ городовыхъ (извѣстныхъ шпіоновъ и звѣрей, истязавшихъ арестованныхъ въ участкѣ, въ частности избившихъ арестованнаго въ февралѣ товарища Василія Доценко), одного убилъ, двухъ тяжело ранилъ и скрылся. Черезъ нѣсколько дней его едва не арестовали случайно въ Екатеринославѣ, производя обыскъ въ домѣ, гдѣ онъ ночевалъ. Онъ отстрѣливался и скрылся, тяжело ранивъ въ животъ помощника пристава 1-го участка, начальника казачьей сотни.

3-го мая Павелъ Гольманъ и Семенъ Трубицынъ узнали, что черезъ Екатеринославъ долженъ проѣхать министерскій поѣздъ и рѣшили взорвать его. Съ этой цѣлью они обратились къ „лаборанту“ Ѳедосею Зубарю, который не только приготовилъ бомбы, но и самъ принялъ участіе въ покушеніи. Втроемъ отправились они ждать проѣзда министерскаго поѣзда. Но время слѣдованія его перемѣнили. Тогда они остались на своемъ посту, чтобы взорвать I классъ курьерскаго поѣзда**). Курьерскій поѣздъ не остановился на ихъ сигналъ. Ѳедосей Зубарь бросилъ свою бомбу въ поѣздъ въ надеждѣ, что его остановятъ, а Гольманъ и Трубицынъ держали свои на готовѣ, чтобы бросить ихъ, когда поѣздъ станетъ. Но онъ не остановился; попорченъ былъ лишь одинъ вагонъ; изъ тов. былъ раненъ въ ногу Гольманъ, и принужденъ лечь въ больницу, куда въ концѣ мая, полиція явилась арестовать его***).

*) Въ этой экспропріаціи полиція обвиняла участвовавшаго въ ней Гольмана и 5 совершенно невинныхъ рабочихъ. Дѣйствительные участники ея въ настоящее время почти всѣ погибли. Вотъ ихъ имена: Павелъ Гольманъ, Яковъ Коноплевъ, Оликъ Черницкій и Сидоренко („Саша Маленькій“), впослѣдствіи убитый.

**) Этотъ актъ „безмотивнаго террора“ противъ буржуазіи (взрывъ курьерскаго поѣзда) давно уже проэктировался Гольманомъ и Трубицынымъ, но не встрѣтилъ сочувствія среди товарищей.

***) См. „Буревѣстникъ“ № 3.

11 мая было совершено второе динамитное покушеніе — неудавшійся взрывъ казачьей казармы на Амурѣ. Въ немъ снова принялъ активное участіе „лаборантъ“ Ѳедосей Зубарь, къ которому задумавшій покушеніе тов. обратился за адской машиной. Двѣ адскихъ машины, дѣйствующихъ черезъ пять минутъ одна послѣ другой, были поставлены близко къ казачьимъ казармамъ, какъ только можно было подойти. Первая маленькая, была приставлена „на приманку“, вторая, полупудовая, для покушенія. Но тов. ошиблись въ психологіи казаковъ; вмѣсто того, чтобы послѣ перваго взрыва выбѣжать искать „преступника“, казаки, наоборотъ, попрятались въ казармахъ. Поэтому, второй взрывъ тоже не причинилъ имъ вреда; вырылъ только огромную яму и превратилъ въ щепки заборъ длиною въ нѣсколько саженей, да встревожилъ весь Амуръ и окрестности.

Экспропріація 6495 рублей позволила повести широкую работу. Была поставлена типографія (существовавшая съ мая до августа); въ маѣ были выпущены и распространены въ городѣ, предмѣстьяхъ и окрестностяхъ (Каменское, Синельниково) прокламаціи „1 мая“ (6000 экз.) и „Памяти Арона Елина“ (6000 экз.) Въ послѣдующіе мѣсяцы были выпущены краткія извѣщенія по поводу нѣсколькихъ совершенныхъ анархистами покушеній*) Былъ полученъ транспортъ женевской литературы (1 п.), большой транспортъ браунинговъ, выписаны пропагандисты агитаторы. Возобновилась широкая массовая работа: митинги массовки, кружки, вооруженіе. Была организована большая типографія, въ пещерахъ близъ Ялты**) (въ царскомъ имѣніи „Оріанда“), гдѣ печатались брошюры. Въ молодыя и небольшія Группы посылали листки, литературу (Ялта, Симферополь, Черкассы и т. д.). Дѣлились съ другими группами динамитомъ; иногда давали и деньги на какое либо опредѣленное предпріятіе (напр., московской группѣ на изданіе литературы, кіевской группѣ на организацію побѣга Николая Якобсона (нынѣ казненнаго; кишиневской группѣ на леченіе и поддержку раненнаго бомбой теперь уже умершаго тов. Исаака и т. д.)

Къ сожалѣнію, неудачный взрывъ казачьихъ казармъ вызвалъ страшныя репрессіи на Амурѣ, пришлось ограничиться 20-ти минутными митингами экспромтомъ на заводахъ, кружкомъ въ Нижне-Днѣпровскѣ и массовками въ городѣ (по 40-70 чел.)

Въ городѣ 13-го мая была арестована массовка въ 70 человѣкъ, на которой присутствовала почти вся городская группа. Послѣ взрыва 11 мая почти все оружіе было занято Амурской группой, поэтому, массового отстрѣла быть не могло. Только стоявшій „на патрулѣ“ тов. Петръ Матвѣевъ (рабочій, казненный въ сентябрѣ въ Херсонѣ) выстрѣлилъ въ приближавшуюся полицію и убилъ городового. По собранію было дано полиціей нѣсколько залповъ, нѣсколько человѣкъ было легко ранено и убита одна дѣвушка соціалъ-демократка. Только двоимъ тов. удалось бѣжать, остальные были арестованы. Ихъ посадили почти всѣхъ въ общую камеру, гдѣ были также и другіе политическіе (70 чел.), референтъ въ камерѣ продолжалъ читать рефераты и вести дискуссіи, и пользовался большимъ успѣ-

*) См. „Листки Хлѣбъ и Воля“ № 1.

**) См. „Бунтарь“ № 1.

хомъ. Позднѣе, нѣкоторыхъ товар. перевели изъ тюрьмы въ „бараки“. Въ началѣ іюля оттуда бѣжало 22 политическихъ вмѣстѣ съ часовымъ, котораго група А.-К. снабдила паспортомъ и переправила заграницу *).

Но уже съ конца мая возобновилась широкая массовая работа на Чечелевкѣ. Впродолженіи всего іюня и іюля, чуть не каждый вечеръ за Чечелевкой, „въ степу“ собираются анархистскія массовки и кружки. Кружки также почти каждый разъ переходятъ въ массовки и дискуссіи, т. к. „въ степу“ занимались также и кружки с.-д. и с.-р., рабочіе которыхъ бросали своего пропагандиста и шли слушать анархистовъ. Цѣлое лѣто шли оживленные дебаты, въ результатѣ которыхъ почти всегда симпатіи рабочихъ оставались на сторонѣ анархистовъ. Група пополнялась все новыми и новыми членами. Массовки эти закончились крупнымъ событіемъ.

Была распущена первая Государственная Дума. На групповомъ собраніи анархисты выяснили себѣ свое отношеніе къ могущей возникнуть по этому поводу всеобщей стачкѣ. Но нужно было выяснить это и на общемъ собраніи анархистовъ, надо было выяснить эти вопросы также и съ кружковыми рабочими. И вотъ на вечеръ 26 іюля было назначено общее собраніе анархистовъ на Чечелевкѣ „въ степу“. Сначала была общая грандіозная массовка (свыше 500 человѣкъ). По окончаніи ея ораторъ — анархистъ предложилъ анархистамъ остаться. Осталось около 200 чел. Ораторъ говорилъ о необходимости принять участіе во всеобщей забастовкѣ, если рабочіе начнутъ ее, съ цѣлью расширить и революціонизировать движеніе. Говорилъ объ организаціи нападеній на оружейные и съѣстные магазины; объ объявленіи временной Коммуны въ случаѣ особаго подъема духа народныхъ массъ. Массовка была кончена; почти всѣ разошлись; „патруль“ сдалъ бомбы тов., уносившимъ ихъ спрятать на ночь; былъ одиннадцатый часъ вечера и страшная темнота... Раздается топотъ копытъ — приближались двѣ сотни драгунъ, во главѣ съ приставомъ 5-ой части, который выстрѣлилъ изъ „Смита“ въ воздухъ. Анархистовъ было чел. 30, около половины разбѣжалось. Остальные дали залпъ по драгунамъ; драгуны дали отвѣтный залпъ. Раздался голосъ Өедосѣя Зубаря: „Товарищи не расходись!“ и вдругъ онъ, схватившись за ногу, опять закричалъ: „Товарищи, помогите, я раненъ!“ Залпы продожали гремѣть, нѣкоторые товарищи выпустили до 40 пуль изъ браунинга. Немногія неунесенныя бомбы нельзя было пустить въ ходъ — драгуны остановились слишкомъ далеко.

Наконецъ тов. разбѣжались „не оставивъ на мѣстѣ ни убитыхъ ни раненныхъ“ (какъ писали мѣстныя газеты). Раненъ былъ только Өедосей Зубарь на вылетъ въ ногу. Со стороны же драгунъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, было 3-ое убитыхъ и 6 раненныхъ*. Взбѣшенные драгуны поѣхали на Чечелевку и въ продолженіе полутора часовъ безпрерывно обстрѣливали выбранные наобумъ дома; случайно, никто не былъ убитъ, только заболѣла отъ страха одна дѣвочка... На утро, въ отдаленныхъ рабочихъ поселкахъ шла молва, бабы на базарѣ говорили: „говорятъ, сегодня ночью былъ бой анархистовъ съ казаками—нѣсколькихъ казаковъ убили. Помогай имъ господь!“ *). Вслѣдъ за этимъ отстрѣломъ Чечелевскія массовки поневолѣ прекратились. Вся Чечелевка въ продолженіи мѣсяца была занята отрядами полицейскихъ и солдатъ; всѣхъ прохожихъ обыскивали не только ночью, но и по нѣсколько разъ въ день; даже трамваи останавливали для обыска. Черезъ мѣсяцъ уличные обыски стали нѣсколько рѣже, но все же нечего было думать о массовкахъ „въ степу“. Соціалъ-демократы, были страшно недовольны, что „анархисты испортили имъ мѣсто для собраній“. Сколько времени мы собирались тамъ, — все хорошо было; пришли анархисты, начали ни съ того ни съ сего стрѣлять“... Въ Петербургѣ, въ концѣ іюля — началѣ августа (1906 г.) неизвѣстно зачѣмъ организованная и неизвѣстно зачѣмъ собравшаяся за городомъ соціалъ-демократическая „боевая дружина“ въ количествѣ 20-ти человѣкъ, вооруженныхъ браунингами, маузерами и парабелюмами, сдалась 5 стражникамъ **) Въ Екатеринославѣ, 12—15 анархистовъ отбили нападеніе 200 драгунъ, причемъ ни одинъ анархистъ не былъ убитъ, ни одинъ не былъ арестованъ, (нѣсколькимъ изъ присутствовавшихъ тов. въ случаѣ ареста грозила смертная казнь), со стороны же драгунъ было 9 убитыхъ и раненныхъ. И это на соц.-демократическомъ языкѣ называется „ни съ того ни съ сего начали стрѣлять“!... Какъ будто въ первый разъ они слышали, что въ возникшихъ въ революціонное время русскихъ анархическихъ группахъ создались революціонныя традиціи; что въ частности въ Екатеринославѣ съ самыхъ первыхъ массовокъ въ городѣ и на Амурѣ анархисты собирались вооруженными и просили рабочихъ другихъ партій также приходить по возможности вооруженными на случай появленія полиціи; что когда не хватало оружія на всѣхъ, массовка выдѣляла по меньшей мѣрѣ вооруженный (сначала револьверами, а потомъ револьверами и бомбами) анархическій „патруль“, роль котораго — слѣдить за окрестностями и при появленіи полиціи давать отпоръ. Какъ будто въ первый разъ они слышали, что по создавшимся въ Екатеринославской группѣ традиціямъ „отдать полиціи браунингъ“, т. е. сдаться безъ сопротивленія, когда вооруженъ — было позоромъ ***).

*) На этой массовкѣ, между прочимъ, и была арестована Марія Купка, подъ чужимъ именемъ. Т. к. она была не въ „баракахъ“, а въ женской тюрьмѣ, то и не могла бѣжать вмѣстѣ съ товарищами. Какъ сама массовка, такъ и Купка, были выданы исключеннымъ изъ группы за растрату 35 рублей нѣкимъ Яшей маляромъ (бывшій с.-р.). Позднѣе, случайно замѣтивъ, что анархисты встрѣчаются на Яковлевскомъ скверѣ, онъ попросилъ одного встрѣченнаго имъ члена Группы, чтобы четыре указанныхъ имъ анархиста пришли 2-го іюля въ 2 ч. дня на Яковлевскій скверъ разобрать дѣло о его яко-бы несправедливомъ исключеніи изъ группы. Анархисты предупредили всѣхъ товарищей, чтобы въ этотъ день никто на Яковлевскій скверъ не ходилъ. Безъ 10 минутъ 2 час. весь Яковлевскій скверъ былъ окруженъ полиціей и войсками, всѣхъ гуляющихъ тамъ обыскали, арестовали 19 человѣкъ (не анархистовъ). Нѣсколько дней спустя, онъ выдалъ нѣсколько с.-р. —самъ ходилъ съ полиціей на обыскъ. Если не ошибаемся, оговорилъ нѣсколько невинныхъ, затѣмъ исчезъ изъ города. Немного позднѣе удалось узнать, что онъ живетъ въ Лондонѣ (вѣроятно и до сихъ поръ). Онъ—еврей семейный (жена и подростокъ ребенокъ), бѣлый съ довольно правильными чертами лица и безцвѣтными голубыми глазами. Просимъ Екатеринославскую Партію Соціалистовъ-Революціонеровъ сообщить въ редакцію его фамилію.

*) Изъ погибшихъ товарищей въ этомъ отстрѣлѣ принимали участіе: Өедосей Зубарь, Семенъ Трубицынъ, Дмитрій Рахно, Антекъ Нижборскій, Янекъ Ганискій, Онуфрій Кулаковъ Өедоръ Швахъ, Оликъ Черницкій, Григорій Бошоеръ.

**) За подтвержденіемъ факта и подробностями просимъ обращаться въ Петербургскій Соціалъ-Демократическій Комитетъ.

***) Давать или не давать легальному товарищу при единичномъ арестѣ отпоръ полиціи, было, конечно, личнымъ дѣломъ каждаго. Но товарищамъ, не собирающимся отстрѣливаться при арестѣ, предлагалось не носить при себѣ оружія въ мирное время, чтобы не отдавать его безъ боя.

Кромѣ массовокъ, митинговъ и кружковъ (въ іюлѣ и августѣ регулярно занималось 20 кружковъ по 10—20 человѣкъ въ каждомъ), въ іюнѣ было получено 2 пуда легальной анархической литературы брошюръ, изданныхъ въ Москвѣ явочнымъ порядкомъ *), а также привезено около тысячи экземпляровъ брошюръ „О революціи и революціонномъ правительствѣ", отпечатанныхъ въ ялтинской типографіи.

За лѣто группой было совершено 4 экспропріаціи: 1171 рубль на товарной станціи Амуръ; 3500 рублей (Екатеринославской группой) въ Мелитополѣ въ конторѣ Дрейфуса, 2800 рублей въ лѣсопильнѣ Копылова и 850 рублей въ казенной палатѣ. При экспропріаціи въ казенной палатѣ 20 августа произошла перестрѣлка съ полиціей, былъ раненъ приставъ, а со стороны анархистовъ погибъ товарищъ Антонъ Никборскій, который отчаянно отстрѣливался, но раненный въ ногу и настигнутый полиціей, самъ застрѣлился, при немъ было найдено 1200 рублей **).

Мелкихъ террористическихъ актовъ за лѣто было совершено столько, что нѣтъ никакой возможности говорить о каждомъ отдѣльно. *Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ* (іюнь — іюль — августъ 1906 года) членами группы были совершены слѣдующіе террористическіе акты:

Экономическій терроръ:

1) Раненъ директоръ завода „Эзау" Панелинъ (покушеніе, намѣченное еще одновременно съ убійствомъ директора машиностроительнаго завода Германа.

2) Убитъ начальникъ Тяги Өедоровъ, (уволившій многихъ рабочихъ за стачку.)

3) Убитъ мастеръ Нижне-Днѣпровскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Пчельниковъ.

4) Неудачно стрѣляли въ мастера Городскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Борисова.

5) Раненъ кинжаломъ хозяинъ пекарни Козловскій, либералъ по убѣжденіямъ, лютый эксплуататоръ въ жизни.

Политическій терроръ.

Въ Нижне-Днѣпровскѣ.

1) Убитъ околоточный надзиратель Мальченко, организаторъ охраннаго отдѣленія на Амурѣ.

2) Убитъ городовой, истязавшій при арестахъ.

На Амурѣ.

1) Убитъ околоточный Лалимъ.

2) Убитъ начальникъ стражниковъ Морозовъ, въ теченіе 12 лѣтъ регулярно истязавшій арестованныхъ въ участкѣ.

3) Одинъ стражникъ убитъ, одинъ тяжело раненъ (при сопротивленіи Гольмана).

На Чечелевкѣ.

1) Убито и ранено 3 околоточныхъ надзирателя, 6 городовыхъ, 2 стражника.

2) Убито и ранено 9 драгунъ (при сопротивленіи 26-го іюля).

Въ Городѣ.

1) Раненъ приставъ (при экспропріаціи въ казенной палатѣ.)

2) Убито и ранено два околоточныхъ.

Кромѣ того, за это время было до 10 случаевъ обезоруженія городовыхъ, за убито и ранено было 10 шпіоновъ и два предателя.

При всѣхъ этихъ покушеніяхъ никто не былъ задержанъ.

Результатомъ этого массового мелкаго политическаго террора явился массовой уходъ полиціи со службы въ рабочихъ предмѣстьяхъ и страшная паника среди оставшихся. Въ самыхъ послѣднихъ числахъ іюля на Амурѣ въ одномъ домѣ случайно взорвалась бомба (были раненные). Мѣстная полиція не явилась туда, и тамъ былъ сдѣланъ обыскъ и составленъ протоколъ только тогда, когда изъ города пріѣхала полиція. Также послѣдующіе обыски съ 5-го по 10-е августа производила не мѣстная, а городская полиція, при помощи многочисленныхъ (до 40 чел.) казаковъ и стражниковъ.

Этотъ разлитой терроръ произвелъ впечатлѣніе не только на мѣстную полицію: мѣстное рабочее населеніе начало относиться съ большимъ уваженіемъ къ Группѣ Анархистовъ-Коммунистовъ. Нужно было слышать безхитростное разсужденіе: „соціалъ-демократы сколько лѣтъ работаютъ, все ничего сдѣлать не могутъ; анархисты только-что появились, а ужъ сколько сдѣлали!" Особенной симпатіей были встрѣчены акты экономическаго террора. Похороны околодочнаго Мальченка и начальника стражниковъ Морозова (ихъ хоронили въ одинъ день, на Амурскомъ кладбищѣ) представляли любопытное зрѣлище. Присутствовалъ губернаторъ, охрана, полиція. Губернаторъ произнесъ народу рѣчь, въ которой говорилъ, что „павшіе на славномъ посту слуги Царя и Отечества будутъ отомщены". Состояніе было напряженное, никто не удивился бы, если бы была брошена бомба. Но она не была брошена: слишкомъ много могло быть невинныхъ жертвъ при такомъ скопленіи народа.

Интересное зрѣлище было также разъ на Чечелевкѣ: анархисты встрѣтили днемъ на улицѣ 2-хъ околодочныхъ, и начали въ нихъ стрѣлять. *) А рабочее населеніе высыпало на улицу и аплодировало, не трогаясь съ мѣста. При такихъ условіяхъ понятно, что никто задержанъ не былъ.

Очень понравился рабочимъ листокъ группы по поводу убійства начальника Тяги Өедорова. Самое покушеніе было совершено въ слѣдующихъ условіяхъ: одинъ рабочій анархистъ остановилъ Өедорова на улицѣ, сказалъ, что онъ давно голоденъ и попросилъ работы. Двое другихъ стояли въ ожиданіи. Өедоровъ высокомѣрно отказалъ въ работѣ. Раздались выстрѣлы, и онъ упалъ сраженный пулями. Рабочіе ненавидѣли его. Онъ уволилъ стачечниковъ, и, въ свое время, обратился къ рабочимъ съ рѣчью, въ которой заявилъ вродѣ губернатора на похоронахъ Мальченко, что онъ возстановитъ порядокъ, что „мясо стачечниковъ будетъ валяться на улицѣ". Послѣ убійства его, Группа выпустила листокъ въ которомъ напоминала рабочимъ его рѣчь, и прибавляла „мы дѣйствительно видимъ, что всюду на улицахъ валяется мясо — но только мясо директоровъ заводовъ, мастеровъ, полицейскихъ и шпіоновъ, убитыхъ анархистами".

5-го августа состоялось похищеніе изъ больницы Павла Гольмана, раненнаго при взрывѣ курьерскаго поѣзда и арестованнаго, которому грозила смертная казнь (онъ обвинялся и во взрывѣ курьерскаго поѣзда и въ экспропріаціи сборщика). Товарищи, пришедшіе за нимъ въ больницу съ браунингами и бомбами, благополучно вывели его изъ больницы и

---

*) Изданія „Свобода" и „Свободная Коммуна" см. Бунтарь № 1, корреспонденціи изъ Москвы.

**) Смотри „Бунтаря" № 1-й.

*) Изъ стрѣлявшихъ были нынѣ погибшіе: Өеодосей Зубарь, Семенъ Трубицынъ и Григорій Бошоэръ.

увезли*). Но полиція открыла его мѣсто-пребываніе (его выдала замѣтившая, какъ везли больного, шпіонка Козлова, убитая анархистами недѣлю спустя) и явилась арестовать его. Онъ отстрѣливался черезъ окно, приподнявшись на постели, убилъ двухъ стражниковъ и самъ застрѣлился. Это былъ первый Екатеринославскій товарищъ, погибшій на славномъ посту, и смерть его глубоко поразила товарищей. Сильное впечатлѣніе она произвела и на населеніе**). Онъ былъ первый — но не послѣдній. Своей смертью Павелъ Гольманъ открылъ эру казней, эпоху смерти.

11-го августа изъ той-же больницы (съ участіемъ анархистовъ) была увезена дѣвица, раненная при случайномъ взрывѣ бомбы на Амурѣ въ концѣ іюля, находившаяся въ больницѣ на излѣченіи и не назвавшая при арестѣ своего имени. Въ концѣ августа бѣжалъ изъ участка тов. Оликъ Чернецкій, а въ сентябрѣ, изъ тюрьмы, тов. Эдекъ Черепинскій (оба теперь погибшіе).

Затѣмъ посыпались ударъ за ударомъ. Пошли потеря за потерей.

Въ началѣ августа пришлось разобрать Екатеринославскую типографію.

20-го августа застрѣлился на экспропріаціи въ Казенной Палатѣ тов. Антонъ Нижборскій.

24-го августа Ялтинская и Амурская полиція въ сопровожденіи двухъ ротъ солдатъ и одного полуэскадрона крымскихъ драгунъ арестовала по указанію предателя Григорія Холопцева (бывшій с.-р.) Ялтинскую типографію. Типографія эта была устроена въ „Оріандѣ", имѣніи Его Императорскаго Величества „безъ надлежащаго на то разрѣшенія", какъ говорилось въ обвинительномъ актѣ. Полиція арестовала трехъ товар.: Александра Мудрова, Тита Липовскаго и Петра Ѳомина***), взяла большой корректурный станокъ, около 15-ти пудовъ шрифта, двѣ кассы, 2000 брошюръ „О революціи и революціонномъ правительствѣ" 3300 листковъ „Павелъ Гольманъ", рукопись 1-го № „Бунтарь", архивъ мелкихъ брошюръ, предназначенныхъ для перепечатки.

До ареста типографіи были арестованы и привлечены по дѣлу типографіи товарищъ Владиміръ Ушаковъ****) и предатель Григорій Холопцевъ*****).

Работа въ Екатер. требовала большихъ средствъ. Надо было вооружить все прибывавшихъ членовъ Группы. Нужна была литература въ большомъ количествѣ. Нужно было вновь поставить временно разобранную типографію. Надо было немного помогать арестованнымъ и ихъ семьямъ. Денегъ требовала организація нѣсколькихъ побѣговъ. Надо было поддерживать все увеличивающееся число нелегальныхъ, мѣстныхъ и съѣхавшихся изъ другихъ городовъ. Словомъ, несмотря на четыре совершенныхъ лѣтомъ экспропріаціи, въ концѣ августа передъ группой вновь стоялъ вопросъ о деньгахъ. Хотѣли сдѣлать 3-хъ тысячную экспропріацію въ Екатеринославѣ. Но товарищи устали отъ этой вѣчной перспективы экспропріацій. И шесть лучшихъ тов. (авторовъ большинства совершенныхъ за лѣто покушеній) уѣхали въ Каховку, Херсонской губ., для экспропріаціи Отдѣленія Международнаго Банка. Разсчитывали на 40,000 рублей. 1-го сентября состоялось нападеніе — удалось захватить 11,000 руб., но ихъ преслѣдовали. Они отстрѣливались, убили и ранили нѣсколько человѣкъ изъ преслѣдовавшихъ: городового, сторожа, служащаго банка, преслѣдовавшаго „посторонняго", но были всѣ задержаны и преданы военно-полевому суду (9 человѣкъ: 6 екатеринославцевъ и 3 каховца). Судили ихъ въ Херсонѣ только черезъ 20 дней (19 сентября): Екатеринославцы и одинъ каховецъ были приговорены къ смертной казни, а два каховца — къ 15 лѣтней каторгѣ. 20-го сент. утромъ ихъ разстрѣляли, въ полѣ за Херсономъ, публично: были выстроены войска, большое стеченіе народа. Передъ смертью они пѣли революціонныя пѣсни. Два первыхъ взвода солдатъ стрѣляли въ воздухъ. Только третій залпъ прервалъ ихъ жизнь.*)

Въ сентябрѣ товарищъ Самуилъ (Фишель Штейнбергъ) шелъ безоружный по Амуру. Полиція гналась за другими и наткнулась на него. Околодочный Кривоноженко скомандовалъ: „стрѣляй, этотъ тоже изъ ихъ шайки!" Грянулъ выстрѣлъ, и Самуилъ упалъ, сраженный пулей. Околодочный подошелъ и пристрѣлилъ его изъ револьвера.

Въ октябрѣ на Амурѣ были убиты одинъ околодочный и одинъ городовой.

А въ ноябрѣ погибло еще четыре товар. Иванъ Ганнскій (Митя), Яковъ Коноплевъ, Леонардъ Чернецкій (Оликъ) и Эдекъ Черепинскій возвращались изъ города на Амуръ, разстрѣлявъ всѣ патроны; переѣзжали Днѣпръ на пароходикѣ „Пиратъ". У первой пристани пароходъ поджидалъ околодочный Кривоноженко со стражниками. Выхода не было. Пуль не было тоже... Только у Якова Коноплева осталась одна пуля. И когда стражникъ Борисенко крикнулъ ему „руки вверхъ!" чтобы обыскать его, Коноплевъ хладнокровно отвѣтилъ: „Кому руки, а кому и ноги вверхъ!" Грянулъ выстрѣлъ, и стражникъ упалъ, обливаясь кровью.

Эдеку удалось бѣжать въ суматохѣ, трое же товарищей были арестованы и преданы военно-полевому суду. Ганнскому и Чернецкому все равно надѣяться было не на что. Ихъ разыскивали по дѣлу о покушеніяхъ въ Бѣлостокѣ и Каменскомъ. Коноплевъ же былъ сравнительно легальный (только что бѣжавшій изъ Архангельской ссылки, куда былъ сосланъ, подъ именемъ Ѳедора Яковенко; и не

---

*) Въ похищеніи его участвовали погибшіе вскорѣ послѣ него товарищи Семенъ Трубицынъ, Дмитрій Рахно, Антонъ Нижборскій, Иванъ Ганнскій и Мишка Ялтинскій, убитый впослѣдствіи за предательство.

**) См. „Буревѣстникъ" № 3.

***) А. Мудровъ и Липовскій бѣжали 15-го іюня 1907 г. изъ Севастопольской тюрьмы. Первый обвинялся по 102 ст. II. п. и по 279 ст. карающей смертной казнью, второй по 102 ст. II п. Петръ Ѳоминъ ожидалъ только поселенія и не хотѣлъ бѣжать. 20-го іюня 1907-го года онъ приговоренъ военно-окружнымъ судомъ къ 8-ми лѣтней каторгѣ.

****) В. Ушаковъ былъ арестованъ въ Азовско-Донскомъ Банкѣ при попыткѣ получить по чеку 500 руб. на нужды типографіи; онъ бѣжалъ 15 іюня 1907 г. изъ Севастопольской тюрьмы и въ ту же ночь былъ настигнутъ „облавой". Не желая даться живымъ въ руки полиціи, онъ покончилъ съ собой выстрѣломъ въ високъ. Вмѣстѣ съ нимъ бѣжало изъ Севастопольской тюрьмы еще 5 анархистовъ 1 с.-д. и 14 максималистовъ и с.-р.

*****) Былъ уличенъ въ вооруженномъ нападеніи на дачу Фельзенверъ для полученія чека въ 500 р. для Ялтинской типографіи. Желая „спасти" себя, онъ выдалъ типографію и трехъ товарищей (впослѣдствіи онъ самъ сознался въ этомъ), но это его не спасло.
20 іюня 1907 г. военно окружной судъ приговорилъ его къ смертной казни.

*) Имена казненныхъ Екатеринославскихъ товарищей: Семенъ Трубицынъ, Дмитрій Рахно (изъ поселка Амуръ), Петръ Матвѣевъ (изъ Симферополя), Онуфрій Кулаковъ, Ѳедоръ Швахъ (изъ Петербурга) и Григорій Бошоэръ (изъ Кишинева).

явившійся на призывъ). Въ суматохѣ, полиція не замѣтила, кто стрѣлялъ и Ганскій, которому терять было нечего, взялъ дѣло на себя. Но Коноплева обвинили въ недавно происшедшемъ нападеніи на одного хулигана обывателя, и также предали военно-полевому суду. Между прочимъ, въ то время, когда произошло это нападеніе, Коноплева даже не было въ Екатеринославѣ, онъ еще не вернулся изъ Архангельской ссылки. Ихъ страшно истязали. Били невѣроятно. Били въ участкѣ на Амурѣ, били, когда вели съ Амура въ городъ, — всю дорогу черезъ мостъ (верста съ четвертью) били въ городѣ, въ четвертомъ участкѣ. Наконецъ 11-го ноября на разсвѣтѣ ихъ разстрѣляли

Въ концѣ ноября было нѣсколько вооруженныхъ сопротивленій, оказанныхъ товарищами на Чечелевкѣ, когда ихъ хотѣли арестовать на улицѣ; было нѣсколько жертвъ со стороны полицейскихъ и стражниковъ, но не обошлось и безъ жертвъ со стороны анархистовъ. Товарищъ Эдекъ Черепинскій, отстрѣливаясь на Чечелевкѣ, былъ въ свою очередь раненъ и застрѣлился, не желая даться живымъ въ руки полиціи. А 1-го декабря былъ повѣшенъ невинно-осужденный товарищъ Василій Доценко. *)

Были и еще казненные, которыхъ группа не знаетъ, но которые умерли со словами „да здравствуетъ анархія“, какъ напримѣръ какіе то отецъ и сынъ Голубевы, которые передъ смертью просили передать привѣтъ анархистамъ. Вѣроятно люди, бывшіе на массовкахъ.

Грозныя тучи реакціи нависли надъ Екатеринославомъ. Всюду — въ городѣ, въ предмѣстьяхъ, рыскали солдатскіе и полицейскіе наряды, обыскивая прохожихъ; раненный стражникъ Борасенко получилъ 300 руб. наградныхъ; околодочный Кравоносенко также получилъ наградныя и повышеніе (помощника пристава), и увѣрялъ „начальство“, что онъ „искоренилъ анархистовъ на Амурѣ“. Чечелевская полиція съ своей стороны дѣлала аналогичныя донесенія. Администрація собиралась уже повѣрить этому, какъ вдругъ 13-го ноября Екатеринославъ былъ взволнованъ небывало-смѣлымъ нападеніемъ. Прошелъ слухъ по городу: „анархисты отбили у конвойныхъ сообщниковъ украденнаго изъ больницы Гольмана, которыхъ уже вели на разстрѣлъ“.

Въ концѣ мая, одновременно съ арестомъ Гольмана, были произведены массовые обыски и аресты въ Нижне-Днѣпровскѣ. Всѣхъ арестованныхъ страшно избили, а затѣмъ нѣсколькихъ изъ нихъ выдѣлили и объявили сообщниками Гольмана. Изъ обвиненныхъ въ этомъ 5-ти рабочихъ не одинъ не былъ причастенъ къ этому дѣлу, и среди этихъ 5-ти человѣкъ былъ всего только одинъ анархистъ, да и то массовой — Степанъ Таможниковъ. Ихъ держали нѣкоторое время въ тюрьмѣ, затѣмъ отпустили — до суда. Не чувствуя за собой никакой вины, (во время совершенія Гольманомъ его актовъ они были въ другомъ мѣстѣ) — они сами явились на судъ. И вдругъ приговоръ—всѣмъ смертная казнь.

Заволновались организованные рабочіе, знавшіе отъ Группы, что осужденные невинны. И по иниціативѣ рабочаго соціалиста-революціонера около 20-ти рабочихъ соціал.-революц. и максималистовъ — безъ вѣдома ихъ комитетовъ, по личной иниціативѣ — и нѣсколько анархистовъ) сговорились отбить ихъ, когда ихъ поведутъ на казнь. Въ Екатеринославѣ подъ всѣмъ городомъ проходятъ канавы, ведущія въ разныя стороны къ Днѣпру, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ выходящія наружу, на улицы, и прикрытыя мостками. Подъ однимъ изъ такихъ мостковъ рабочіе и ожидали приближенія невинно-осужденныхъ. Какъ только послѣдніе приблизились, они выскочили изъ подъ мостка, убили наповалъ 5-ть конвойныхъ и увели осужденныхъ закованныхъ въ кандалы, по тѣмъ-же канавамъ. Одинъ изъ нападавшихъ былъ легко раненъ, но ушелъ вмѣстѣ съ другими. Явившаяся черезъ нѣсколько времени полиція въ теченіе нѣсколькихъ дней все чего то искала въ канавахъ, но нашла только разбитыя кандалы, разорвавшійся браунингъ, да струйку крови, ведущую къ Днѣпру.

Одинъ изъ отбитыхъ — массовой анархистъ Степанъ Таможниковъ былъ задержанъ на другой день въ Лоцманской-Каменкѣ, избитъ до потери сознанія (полиція добивалась отъ него, кто отбилъ ихъ—но онъ не проронилъ ни слова) и отвезенъ въ тюрьму. Изъ тюрьмы онъ переправилъ товарищамъ записку съ просьбой передать ему браунингъ. „На дняхъ меня повѣсятъ, а я никогда ничего не сдѣлалъ, хоть знать за что умру—передайте мнѣ браунингъ, я постараюсь убить палача“. Браунинга передать не удалось, и 10-го февраля 1907 года его повѣсили.

Не успѣли власти опомниться отъ этого побѣга, какъ черезъ два дня былъ похищенъ (съ участіемъ анархистовъ) все изъ той-же Городской Земской Больницы бывшій тамъ на излѣченіи, раненный въ руку при арестѣ, Потемкинскій матросъ Горобецъ.

Репрессія подавили отчасти массовую работу. Занималось только нѣсколько кружковъ — въ городѣ, Нижне-Днѣпровскѣ, Чечелевкѣ, Кайдакахъ — да и то не совсѣмъ регулярно; Анархисты—рабочіе выступали возражать на соціалъ-демократическихъ митингахъ, шедшихъ по заводамъ. Зато была распространена литература.

Еще въ іюлѣ былъ доставленъ въ Екатеринославъ № 1-й „Буревѣстника“ (500 экз.). Въ началѣ декабря были получены и распространены №№ 2 и 3. Въ концѣ августа были закуплены въ значительномъ количествѣ вышедшія легально книги: „Записки Революціонера“, „Рѣчи бунтовщика“, „Завоеваніе Хлѣба“ Кропоткина, 1-й томъ сочиненій Бакунина, „Анархизмъ“ Эльцбахера, „Міровая Скорбь“, Себастьяна Фора, сборники „Хлѣбъ и Воля“, „Черное Знамя“ и другіе.

Только въ концѣ октября Группѣ удалось отпечатать и распространить листокъ „Павелъ Гольманъ“, въ 6000 экз. 5000 было распространено въ Екатеринославѣ, 1000 разосланы въ другіе города.

Въ концѣ ноября было распространено еще полтора пуда книгъ и брошюръ, вышедшихъ легально и явочнымъ порядкомъ, какъ-то: „Умирающее общество и Анархія“ Жанъ Грава, „Богъ и Государство“, „Усыпители“, „Первый опытъ соціальной революціи“ Бакунина, „Въ Кофейнѣ“ Малатеста, „Манифестъ Анархистовъ-Коммунистовъ“ Новомірскаго, „Какъ мужики остались безъ начальства“ Стеньки Зайца, „Анархія“ Жирара, „Рѣчь о русской революціи“ Реклю, „Стачка наборщиковъ“ Мирбо, „Отечество, война и казарма“ Шарля Альбера, „Заявленіе передъ судомъ“ Этьевана, „Непримиримый“ и многія другія.

Въ декабрѣ была поставлена бомба у входа въ магазинъ Рабиновича, съ которымъ у анархистовъ были давнишніе счеты *). Большая толпа народа собралась на улицѣ, всѣ смотрѣли и говорили другъ другу: „Смотрите, вотъ бомба стоитъ“. Изъ магазина Рабиновича пошли предупредить полицію. Явился приставъ съ городовыми, но не рѣшился подойти, тогда по-

*) См. „Буревѣстникъ“ № 5.

*) Въ день, на который анархисты назначили ему приготовить деньги, въ магазинѣ его была полицейская засада. Анархисты не пострадали, но фактъ остается фактомъ.

стовой городовой самъ вызвался убрать ее—вѣроятно, хотѣлъ получить пятерку на водку. Но едва успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ раздался оглушительный взрывъ, и онъ упалъ, разорванный на клочки. Другихъ пострадавшихъ не было.

Между тѣмъ, Амуръ стоналъ подъ гнетомъ репрессій, подъ тяжелой стопой самодержавнаго околодочнаго-диктатора Якова Кривоноженка—бывшаго Амурскаго босяка Яши, стоналъ отъ неистовствъ расквартированныхъ тамъ казаковъ (150 чел.) и 75 конныхъ стражниковъ. Пьяные, наглые, вымещали они свою холопскую злобу, свой пьяный разгулъ, свой дикій произволъ на рабочемъ населеніи поселка. Обыскивали всѣхъ, даже бабъ, идущихъ съ базара. Если находили деньги, отнимали. „Искать правды" было не у кого; и испуганные жители, у которыхъ такимъ образомъ полиція отнимала послѣдніе трудовые гроши, возвращаясь домой, говорили „слава богу, хоть живыми пустили". Даже ничего не найдя, часто избивали. На дачахъ „Барафа" зашелъ разъ пьяный старикъ — стражникъ въ рабочую семью. Мужъ былъ на работѣ, дома была женщина съ дѣтьми. Полѣзъ на печь, говоритъ женщинѣ: „Вари мнѣ супъ, а послѣ пріидешь ко мнѣ на печь". Женщина пробовала уговорить „дѣдушку", а потомъ подняла крикъ. Сбѣжавшіеся сосѣди прогнали стражника. Уходя, онъ пригрозилъ женщинѣ, что это даромъ ей не пройдетъ. А черезъ нѣсколько дней женщину нашли убитой.

А вотъ и другой случай. Шелъ одинъ рабочій днемъ по Амуру. Встрѣтилъ казака и городового. Остановили, обыскали, ничего не нашли. „Все равно," говорилъ пьяный городовой, „вы всѣ демократы", и бьетъ его прикладомъ по лицу. Потомъ цѣлится изъ винтовки. „Я сейчасъ тебя застрѣлю". Блѣдный окровавленный рабочій говоритъ: „ну такъ стрѣляй скорѣе". Вмѣшивается пьяный казакъ. „Не смѣешь здѣсь стрѣлять — мы его отведемъ въ участокъ, а тамъ, а тамъ я уже знаю, что съ нимъ сдѣлаемъ". Повели въ участокъ. Городовой шелъ сзади и нѣсколько разъ выстрѣлилъ изъ винтовки, но не попалъ. Что съ нимъ сталось послѣ—неизвѣстно. Подобные случаи не были единичными. Населеніе было терроризовано. Женщины боялись выходить на улицу даже днемъ. Стражники допились до того, что однажды растеряли винтовки. Казачьи офицеры, вмѣсто сдерживанія этихъ дикихъ страстей, нарочно спаивали подчиненныхъ. Имъ были нужны звѣри. Было полное царство, пьянаго, дикаго произвола. Совсѣмъ какъ войска побѣдителей въ покоренной странѣ

И вотъ, 22 декабря раздается на Амурѣ ободряющій голосъ динамита. Что то взорвалось въ одномъ недавно снятомъ домикѣ близъ церкви. Кривоноженко со стражниками производитъ обыскъ; людей нѣтъ, есть три бомбы. Ихъ переносятъ въ участокъ. На другой день, 23-го декабря въ участокъ заходитъ три любопытствующихъ казачьихъ офицера „посмотрѣть бомбы". Ихъ сопровождаетъ околодочный и городовой. Едва одинъ офицеръ взялъ въ руки бомбу, какъ раздался страшный взрывъ, три казачьихъ офицера и околодочный убиты наповалъ, городовой тяжело раненъ. То анархисты мстили извергамъ — диктаторамъ за смерть товарищей, за истязанія въ участкѣ, за надруганіе надъ рабочимъ населеніемъ.

Вновь пришлось убѣдиться властямъ, что „еще остались на Амурѣ анархисты". Растерянный генералъ-губернаторъ издаетъ свое безсмысленное предписаніе взрывать найденныя бомбы на мѣстѣ, въ домахъ, а домовладѣльцевъ, даже доказавшихъ, что они ничего не знали о нахожденіи бомбъ въ домѣ, штрафовать на 3000 рублей. Домовладѣльцы подаютъ петицію объ отмѣнѣ этого предписанія, какъ грозящаго имъ разореніемъ. Они испуганы. Они думаютъ, что скорѣе всѣ они разорятся, чѣмъ переведутся бомбы въ Екатеринославѣ.

Екатеринославскій Анархистъ.

——>>>•<<<——

Екатеринославъ. Работа анархистовъ-коммунистовъ въ Екатеринославѣ послѣ временнаго застоя въ теченіе зимы 1906—07-го года, вызваннаго многочисленными арестами нашихъ товарищей, съ февраля мѣсяца начинаетъ по-немногу возстанавливаться, проявляясь, какъ въ распространеніи литературы и кружковыхъ занятіяхъ, такъ и въ цѣломъ рядѣ террористическихъ актовъ.

Такъ, въ началѣ апрѣля нашъ товарищъ убилъ послѣ ряда предупрежденій мастера (инженера) Брянскаго завода Мылова, отличавшагося своей грубостью, умѣніемъ на каждомъ шагу притѣснять рабочихъ, онъ понижалъ расцѣнки въ своемъ цехѣ, доносилъ на неправившихся ему рабочихъ и. т. д.
Это убійство было освѣщено въ листкахъ, изданныхъ нашей группой.

Рабочіе отнеслись къ покушенію на Мылова очень сочувственно, жалѣя лишь о томъ, что оно было совершено въ зданіи завода.

Дѣло въ томъ, что послѣ покушенія въ ноябрѣ 1906 года на жизнь директора завода и помощника его, при чемъ одинъ изъ нихъ былъ убитъ, а другой раненъ, послѣдовало со стороны администраціи прерупрежденіе о закрытіи завода въ случаѣ повторенія покушеній на кого-бы то ни было въ стѣнахъ его. Обѣщаніе было исполнено: послѣ убійств Мылова были разсчитаны всѣ рабочіе. Около завода состоялся митингъ подъ охраной полиціи и подъ руководствомъ соціалъ-демократіи; присутствовавшими на митингѣ была принята резолюція, порицавшая акты экономическаго террора.

За покушеніемъ на инженера Мылова послѣдовало убійство въ Александровскѣ (находящемся въ 40 верстахъ отъ Екатеринослава) начальника желѣзнодорожныхъ мастерскихъ—Василенко; *) успѣвшаго себя ярко проявить, въ бытность свою начальникомъ главныхъ жел.-дор. мастерскихъ въ Екатеринославѣ.

При покушеніи на Василенко были арестованы два нашихъ товарища: Петръ Аршиновъ и Василій Бабенко. Приговоренные къ смертной казни, съ замѣной ея впослѣдствіи безсрочной каторгой, они рѣшили бѣжать изъ тюрьмы, выбравъ для этой цѣли первый день Пасхи. Въ Александровской провинціальной тюрьмѣ сохранился еще до настоящаго времени древній обычай открывать въ день „Христова Воскресенья" доступъ въ тюремную церковь всѣмъ желающимъ. Воспользовавшись этимъ правомъ, наши товарищи, запасшись браунингами вмѣсто красныхъ яицъ, какъ это полагается по христіанскому обычаю, и передавъ заранѣе по одному браунингу заключеннымъ, Аршинову и Бабенкѣ, отправились къ заутренѣ.

Въ 12. часовъ вмѣстѣ съ пѣніемъ пасхальнаго гимна „Христосъ воскресъ" раздались револьверные выстрѣлы, направленные противъ присутствовавшихъ въ церкви надзирателей и начальника тюрьмы. Началась страшная паника (суматоха), во время которой двумъ товарищ. анархистамъ, одному политическому **) и тринадцати уголовнымъ удалось проложить дорогу къ „волѣ."

Черезъ нѣсколько дней Василій Бабенко былъ арестованъ на Амурѣ (поселокъ подъ г. Екатеринославомъ,) куда онъ пріѣхалъ послѣ побѣга изъ Александровской тюрьмы.

14-го іюня его уже не стало: онъ былъ повѣшенъ вмѣстѣ съ другими семью заключенными за неудавшуюся вторую попытку къ побѣгу. Другой товарищъ, П. Аршиновъ, благополучно скрылся и находится въ данное время въ безопасности.

Кромѣ вышеупомянутыхъ событій къ апрѣлю же мѣсяцу относится арестъ нашей типографіи, при которой были взяты три дѣвушки—анархистки, дѣло которыхъ еще не разбиралось.

Въ началѣ мая много шуму надѣлалъ геройскій отпоръ нашего товарища Вани Передерея.

*) См. № 1 „Буревѣстникъ".
**) Политическихъ заключенныхъ въ тюрьмѣ, въ это время было только трое.

Полиція и шпіоны пытались задержать его на улицѣ. Отстрѣливаясь, Передерей скрывается въ многоэтажномъ домѣ по Троицкой улицѣ. Домъ немедленно окружаютъ, и Ваня выдерживаетъ аттаку казаковъ, пѣхоты и полиціи, которая велась подъ предводительствомъ полиціймейстера.

Черезъ нѣсколько часовъ безрезультатнаго обстрѣла полиція предлагаетъ ему сдаться, угрожая въ противномъ случаѣ заморить его голодомъ. Угрозы не приводятъ ни къ чему. Пробуютъ войти на чердакъ, но Ваня заставляетъ ихъ отступить.

Рѣшаютъ поджечь крышу, чтобы, „выкурить" Ваню изъ его случайной крѣпости. Немедленно вызываютъ пожарную команду. Тотчасъ же находится доброволецъ-пожарный, предлагающій свои услуги для приведенія плана въ исполненіе.

Пожарный, стараясь быть незамѣченнымъ Передереемъ, осторожно пробирается въ его временное обиталище...

Ваня, еще издали замѣтивъ его и подпустивъ къ себѣ поближе, прицѣлился. Раненный доброволецъ падаетъ съ крыши, убиваясь на смерть...

Первая попытка выкуриванія не удалась! Стемнѣло; приближалась ночь; окружавшая домъ весь день толпа, съ которой Ваня все время мирно и весело переговаривался, стала расходиться.

Прекратившая на время свои дѣйствія полиція рѣшила не давать скучать нашему товарищу; съ этой цѣлью она окружила домъ чучелами полицейскихъ, думая, что они смогутъ подъ прикрытіемъ темноты послужить Ванѣ мишенью для разряда его патроновъ. Не удалось и это! На разсвѣтѣ полиція, потерявъ терпѣніе, снова рѣшается поджечь крышу. На этотъ разъ ей повезло. Пламя быстро охватываетъ крышу, огненные языки его приближаются все ближе и ближе...

-Выхода нѣтъ...

На послѣднее предложеніе полицмейстера сдаться онъ отвѣчаетъ:

„Анархисты живыми не сдаются," и пускаетъ нѣсколько пуль въ полицмейстера, которыми, къ сожалѣнію, прострѣливаетъ только шинель его, послѣдней пулей онъ убиваетъ себя...

Въ общемъ аттака продолжалась съ 3 час. вечера до двухъ часовъ пополудни.

Всѣ прилегающія улицы: Казанская, Базарная, Казачья и Троицкая имѣли видъ военнаго лагеря. Интересно было слышать со стороны толпы массы: „ишь, дьяволы! одного человѣка не могутъ взять, а хотѣли еще японцевъ побѣдить."

„Стессель Портъ-Артуръ сдалъ послѣ двухъ часовъ, а онъ, молодецъ, одинъ и сколько не сдается." Этотъ инцидентъ (событіе), взволновалъ весь городъ, всѣ желали Ванѣ успѣха.

Крестьянки, крестясь говорили: „царица небесная, матерь Божья, пошли ты ему крылья спасенья".

Такъ-какъ незадолго до смерти Вани Передерея была взята полиціей, какъ мы уже упоминали выше, наша типографія, то мы и не смогли освѣтить дѣла Вани, хотя-бы въ листкѣ. Вскорѣ послѣ кончины Вани нашими товарищами было оказано новое вооруженное сопротивленіе; случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ: проходя однажды вечеромъ (часовъ въ 11) по Нижне-Днѣпровску, они были встрѣчены патрулемъ стражниковъ съ околодочнымъ во главѣ. „Руки вве хъ!" тотчасъ раздалось со стороны патруля. „Подожди", отвѣтилъ одинъ изъ анархистовъ, ставя бывшую у него въ рукахъ корзинку и начиная стрѣлять вмѣстѣ съ остальными товарищами въ окружавшихъ ихъ. Быстро дезорганизовавъ (разстроивъ) не ожидавшихъ такой непріятной встрѣчи стражниковъ, товарищи, пользуясь темнотой, удачно скрылись. Однако, вспомнивъ объ оставленной корзинкѣ, въ которой находились два Маузера и динамитъ, они черезъ нѣсколько минутъ возвратились на мѣсто перестрѣлки и снова открыли огонь противъ стражниковъ. Последніе, вообразивъ, что выстрѣлы раздаются со стороны подоспѣвшихъ на помощь революціонеровъ, забѣжали въ находившійся по сосѣдству съ мѣстомъ перестрѣлки домъ (аптека) и начали изъ оконъ стрѣлять въ воздухъ. На выстрѣлы пріѣхали казаки изъ неподалеку расположенныхъ казармъ, и, не разобравъ въ чемъ дѣло, стали обстрѣливать аптеку, откуда продолжали раздаваться выстрѣлы. Завязавшаяся такимъ образомъ между казаками и стражниками неожиданная перестрѣлка продолжалась до пріѣзда губернатора; результатовъ этого „недоразумѣнія" мы точно не знаемъ; по оффиціальнымъ источникамъ было ранено: одинъ околодочный, три стражника, одинъ посторонній и двѣ лошади. Нашимъ-же удалось скрыться.

Кромѣ перечисленныхъ актовъ, совершенныхъ анархистами-коммунистами, упомянемъ убійство директора Петровскаго завода, находящагося на станціи Енакіево (за его тираническое обращеніе съ рабочими). Наряду со шпіонами и городовыми, уничтоженію которыхъ статистика (подсчетъ) не ведется, былъ убитъ палачъ доброволецъ, предложившій свои услуги правительству въ періодъ недостатка въ палачахъ, благодаря чему приходилось солдатамъ разстрѣливать приговоренныхъ къ смертной казни.

Послѣ нерегулярной (неправильной) порывистой работы, анархисты къ іюлю мѣсяцу начинаютъ возстанавливать свои силы, расширяя организацію количественно и качественно углубляя ее.

Къ этому времени начинаютъ функціонировать (дѣйствовать) тридцать семь пропагандистскихъ кружковъ. Наиболѣе боевые элементы, выдѣляясь изъ группы, организуются въ „дружины".

Что касается денегъ, такъ какъ ихъ въ этотъ періодъ у екатеринославской организаціи не было, то работа велась при помощи другихъ анархическихъ группъ, которыми было дано до четырехъ тысячъ рублей.

Однако параллельно (наравнѣ) съ успѣхами, организація терпитъ и неудача; такъ, напримѣръ, попытка организовать перевозку оружія, кончается проваломъ двухъ транспортовъ.

Походъ на экономіи, о которомъ разсказывается въ некрологѣ Гавріила Довгаго, заканчивается для насъ потерей четверыхъ нашихъ товарищей.*) Не болѣе удачнымъ, наконецъ, было и нападеніе на волость съ цѣлью конфискаціи паспортныхъ бланковъ, печати и денежныхъ суммъ. Нападавшіе товарищи, въ количествѣ четырехъ, были арестованы и казнены по приговору военно-полевого суда.

∴

Хорошо понимая, что данный выше перечень фактовъ и событій, происшедшихъ съ февраля по іюль мѣсяцъ, не можетъ даже бѣгло характеризовать развитіе и положеніе анархизма въ Екатеринославѣ, мы постараемся въ недалекомъ будущемъ подробнѣе и полнѣе обрисовать, какъ общее положеніе дѣлъ, такъ и личности потерянныхъ въ борьбѣ товарищей.

*) Изъ крестьянской группы А.-К. „Гуляй Поле".

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ № 6—7 „БУРЕВѢСТНИКА".

Стр. 2 Кол. 1-я въ замѣткѣ „отъ ред.", строка 5-я напечатано: *Нелегальные Союзы* слѣд. читать: *Нелегальные Анархическіе Союзы*.

Стр. 5-я, Кол. 1-я, 8 строка снизу, напечатано: *добровольныхъ взломовъ* слѣд. читать: *Добровольныхъ Пломовъ*.

Письма и деньги просятъ направлять въ:
Paris, Rédaction du « Libertaire » rue d'Orsel 15.
L. Avenier 24. Avenue Soret 24. Genève.
На внутреннихъ конвертахъ необходимо дѣлать надпись для „Буревѣстника".

Типографія „Буревѣстника"